

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2313-8912

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

R E S E A R C H R E S U L T

Том 3 | № 2
Volume 3

ВОПРОСЫ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
И ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ

THEORETICAL
AND APPLIED
LINGUISTICS

Сайт журнала:
rllinguistics.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69052 от 13 марта 2017 г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate El. № FS 77-69052 of March 13, 2017

Том 3, №2. 2017

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2313-8912

Volume 3, № 2. 2017

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2313-8912

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Дехнич О.В.**, кандидат филологических наук,
доцент
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: **Деревянко Ю.С.**
РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: **Ляшенко И.В.**, кандидат
филологических наук, доцент

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Алефиренко Н.Ф., доктор филологических наук, профессор
Аматов А.М., доктор филологических наук, профессор
Багана Ж., доктор филологических наук, профессор
Беседина Н.А., доктор филологических наук
Огнева Е. А., доктор филологических наук, профессор
Дьяченко Т. Д., кандидат филологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виноградов В.А., доктор филологических наук, член-корреспондент
РАН, Россия
Вальтер Г., доктор филологических наук, профессор, Германия
Вишнякова О.Д., доктор филологических наук, профессор, Россия
Воркачев С.Г., доктор филологических наук, профессор, Россия
Гренарова Ренее, доктор педагогики, доктор философии, Чешская
Республика
Златев Дж., доктор философии, профессор, Швеция
Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор, Россия
Клепикова Т.А., доктор филологических наук, профессор, Россия
Пернель Б., доктор филологических наук, профессор, Франция
Магировская О.В., доктор филологических наук, профессор, Россия
Панасенко Н.И., доктор филологических наук, профессор Словакия,
Украина
Порхомовский В.Я., доктор филологических наук, профессор, Россия
Соколова Я., кандидат филологических наук, профессор, Словакия
Фарзад Шарифиан, доктор филологических наук, профессор,
Австралия
Хлебда В., доктор филологических наук, профессор, Польша

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: **Olga V. Dekhnich**, Ph.D. in Philology, Associate Professor
EXECUTIVE SECRETARY: **Yulia S. Derevyanko**
ENGLISH TEXT EDITOR: **Igor V. Lyashenko**, Ph.D. in Philology, Associate
Professor

EDITORIAL BOARD:

Alexandr M. Amatov, Doctor of Philology, Professor
Baghana Jerome, Doctor of Philology, Professor
Elena A. Oгнева, Doctor of Philology, Professor
Natlia A. Besedina, Doctor of Philology, Professor
Nikolai F. Alefirenko, Doctor of Philology, Professor
Tatiana D. Dyachenko, Ph.D. in Philology, Associate Professor

CONSULTING EDITORS:

Beatrix Pernelle, Doctor of Philology, Professor, France
Farzad Sharifian, Doctor of Philology, Professor, Australia
Harry Walter, Doctor of Philology, Professor, Germany
Jana Sokolova, Candidate of Philology, Professor, Slovak Republic
Jordan Zlatev, Doctor of Philosophy, Professor of General Linguistics, Sweden
Nataliya I. Panasenko, Doctor of Philology, Professor, Slovak Republic,
Ukraine
Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Philology, Professor, Russia
Olga D. Vishnyakova, Doctor of Philology, Professor, Russia
Renée Grenarová, PaedDr, PhD, Assistant Professor, Czech Republic
Sergey G. Vorkachev, Doctor of Philology, Professor, Krasnodar
Tatiana A. Klepikova, Doctor of Philology, professor, Russia
Victor A. Vinogradov, Doctor of Philology, Russian Academy of Sciences
Corresponding Member, Russia
Victor Ya. Porkhomovskiy, Doctor of Philology, professor, Russia
Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Russia
Wojciech Chlebda, Doctor of Philology, Professor, Poland

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education
«Belgorod State National Research University»
Publisher: Belgorod State National Research University
Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ РАЗДЕЛ I. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Бех Е.Ф.</i> Особенности функционирования дисфемизмов на основе их отношения с эвфемизмами в англоязычной литературе	3

РАЗДЕЛ II. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Гайдамачук О.В.</i> Грамматологическая диагностика пунктуации	9
<i>Drozdova T.V.</i> A Scientific Text as Implying Information about Metacognitive Capacities of its Author	19
<i>Diego Forte.</i> To the Faithful Declassed: Health Risk as Speciesist Camouflage	25

РАЗДЕЛ III. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Дехнич О.В., Стукалова А.Г.</i> Способы элиминирования лагун при переводе художественных текстов (на материале романа Роберта Ирвина «Арабский кошмар»)	36
<i>Султаналиев И.Ш.</i> Фонетико-лексические особенности перевода и чтения на тюркских и русском языках словаря Махмуда Кашгари «Дивану лугати-т тюрк»	42

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ РАЗДЕЛ IV. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Mahdieh Boostani</i> The Eruption of Rumi's Poetry	47

CONTENTS

LINGUISTICS SECTION I. GERMANIC LANGUAGES

<i>Bekh E.F.</i> The Peculiarities of Dysphemisms Functioning Based on their Relationship with Euphemisms in English Literature	3

SECTION II. THEORY OF LANGUAGE

<i>Haidamachuk O.V.</i> Grammatological Diagnostics of Punctuation	9
<i>Drozdova T.V.</i> A Scientific Text as Implying Information about Metacognitive Capacities of its Author	19
<i>Diego Forte.</i> To the Faithful Declassed: Health Risk as Speciesist Camouflage	25

SECTION III. COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>Dekhnich O.V., Stukalova A.G.</i> The Ways of Elimination of Lacunas at the Translation of Literary Texts (a Case Study of the Novel of Robert Irvin "The Arabian Nightmare")	36
<i>Sultanaliev I.Sh.</i> Phonetic and Lexical Features of Translating and Reading M. Kashgari's "Divanu Lugati-t Turk" Dictionary in the Turkic and Russian Languages	42

THEORY AND HISTORY OF LITERATURE SECTION IV. LITERATURE OF PEOPLES AND NATIONS OF THE WORLD

<i>Mahdieh Boostani</i> The Eruption of Rumi's Poetry	47

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
РАЗДЕЛ I. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.221. 32

DOI: 10.18413/2313-8912-2017-3-2-3-8

Бех Е.Ф.

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДИСФЕМИЗМОВ
НА ОСНОВЕ ИХ ОТНОШЕНИЯ С ЭВФЕМИЗМАМИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, 308015, г. Белгород, Россия, bekh@bsu.edu.ru

Аннотация: Такая языковая категория как дисфемизм является одной из самых малоизученных со стороны современной лингвистической науки. Несмотря на возрастающее количество научных работ посвященной этой теме, проблема дисфемии требует новых подходов и методов в ее изучении. Тем более что употребление дисфемизмов возрастает в различных сферах языка, в том числе и внутри англоязычной литературы. Поэтому можно говорить, что в данной области лингвистическое научное исследование не успевает за тенденцией развития функционирования такого понятия как дисфемизм. Вышеперечисленные доводы объясняют проблематику и актуальность данной работы.

В отличие от дисфемизмов, эвфемизмы изучены в гораздо большей степени. Поэтому в данной работе используются методы сравнения и сопоставления двух вышеуказанных понятий с целью выявить особенности функционирования одного из них. Подобного рода сопоставление лингвистических понятий достаточно ясно выводит определенные аспекты функционирования дисфемизмов в англоязычной литературе и дает стимул к дальнейшему научному изысканию, посвященному данной проблематике. Кроме того, на основе продемонстрированных примеров, можно сказать, что сфера и особенности функционирования дисфемизмов предоставляют широкое поле для размышления и научного анализа.

Ключевые слова: дисфемизм, дисфемия, эвфемизм, эвфемия, табуированная лексика, нейтральная лексика, функционирование.

Ekaterina F. Bekh

**THE PECULIARITIES OF DYSPHEMISMS FUNCTIONING BASED
ON THEIR RELATIONSHIP WITH EUPHEMISMS IN ENGLISH
LITERATURE**

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, bekh@bsu.edu.ru

Abstract. Such category of speech as dysphemism is one of the least studied by modern linguistic science. Despite the growing number of scientific papers devoted to this topic, the problem of dysphemia requires new approaches and methods in its study. Moreover, the use of dysphemisms increases in various areas of the language, including the English-language literature. Therefore, we can say that in this area, linguistic scientific research does not keep pace with the development of the functioning of such a concept as dysphemism. The above arguments explain the problems and relevance of this work.

Unlike dysphemisms, euphemisms are studied to a much greater extent. Therefore, in this paper we use methods of comparison and collation of the two above concepts in order to reveal the features of the functioning of one of them. This kind of juxtaposition of linguistic concepts quite clearly shows certain aspects of the functioning of dysphemisms in the English-language literature and provides an incentive for further scientific research devoted to this problem. In addition, based on the demonstrated examples, it can be said that the scope and peculiarities of the functioning of dysphemisms provide a wide field for reflection and scientific analysis.

Key words: dysphemism; dysphemia; euphemism; euphemia; taboo; neutral vocabulary; functioning.

Введение.

В данной работе будут рассмотрены как понятие дисфемизма так и эвфемизма. Очевидно, что феномен эвфемизма был изучен в гораздо большей степени, нежели феномен дисфемизма. Проблемой эвфемии занимались множество отечественных и зарубежных ученых. Сюда можно отнести такие имена как Ж.Ж. Варбот, А.М. Кацев, Л.П. Крысин, Дж. Нимен, К. Силвер и т.д. Изучением дисфемизмов занимались Видлак С., А.М. Кацев, Е.И. Шейгал. Данное соотношение в изучении двух упомянутых понятий весьма странно, так как дисфемизмы столь же древние, как и эвфемизмы и являются неотъемлемой частью разговорной речи с давних времен [4, 1988]. Однако в настоящее время можно говорить о некотором прогрессе в области изучения дисфемизмов. Это, по всей видимости, связано с изменением его речевого статуса. Дисфемизмы становятся гораздо более популярными и обильны в употреблении. Их использование выходит далеко за рамки повседневной речи. Увеличение их использования также характерно и для англоязычной литературы. Некоторые произведения современной англоязычной литературы пестрят использованием дисфемизмов. Этот процесс не остается закрытым, так как литературный лексикон выходит на большой экран и затем, соответственно, попадает во многие сферы общественной жизни. Таким образом, можно говорить об определенном круговороте такого лингвистического понятия как дисфемизм, которое автор, взяв из бытовой речи, отражает в своих произведениях, и которое впоследствии попадает обратно в народный словесный обиход. Этого же нельзя сказать об эвфемизмах. Те авторы, которые эвфемизируют свой литературный язык, создают некоторую преграду между бытовой и литературной речью. Тем не менее, не смотря на обширность дисфемии в различных речевых пластах, в том числе и литературном, особенности функционирования дисфемизмов мало изучены, что заставляет искать пути решения этой проблемы.

Основное содержание исследования.

Для полного представления о функционировании таких лингвистических явлений как эвфемизмы и дисфемизмы необходимо применить параллельное рассмотрение двух вышеупомянутых понятий. В нашем случае, мы предлагаем это сделать для выявления особенностей функционирования дисфемизмов в литературной англоязычной речи. Труды, посвященные изучению эвфемизмов,

можно в определенной степени отнести к сфере изучения феномена дисфемизмов, так как отношения между эвфемизмами и дисфемизмами можно рассматривать на основе латинского выражения «mutatis mutandis» [9, с. 78-92]. В действительности дисфемизмы и эвфемизмы могут быть взаимозаменяемы. В одном и том же контексте может быть использовано как первое, так и второе понятие. В подобном случае, выбор того или иного зависит от различных внешних факторов, таких как эмоциональное состояние говорящего, его воспитанность, обстановка и т.д. При этом при любом выборе говорящего посыл фразы остается неизменным. Границы между эвфемизмами и дисфемизмами представляются весьма очевидными, но при этом между ними существует как правило определенная взаимосвязь. По этой причине дисфемизм может стать эвфемизмом и наоборот, например, «He began screaming at me as I entered the door. You're a wise son of a bitch, aren't you?» [8, с. 10]. Конкретно фразу «son of a bitch» в данном случае можно отнести к нейтральной лексике, хотя в ней можно обнаружить небольшой оттенок дисфемии. Для подтверждения вышеупомянутого тезиса можно использовать явный дисфемизм, такой как «bastard». В этом случае исходная фраза будет выглядеть следующим образом «You're a bastard, aren't you?» Однако вполне уместной в данном случае будет выглядеть эвфемизация рассматриваемого примера, «You're an unpleasant person, aren't you?» Данные примеры показывают, что эвфемизация и дисфемизация текста в малой степени влияют на его смысл. В итоге можно утверждать, что дисфемизмы и эвфемизмы в большинстве случаев своего употребления обладают прямопротивоположной взаимозависимостью.

На основе теоретического материала приведенного в предыдущем абзаце статьи мы предлагаем рассмотреть особенности функционирования дисфемизмов на основе функций эвфемизмов. Конкретно эвфемизмы могут осуществлять несколько близких социальных функций.

1. Основная функция эвфемизмов заключается в том, чтобы скрыть, либо замаскировать какой-то неприятный предмет или воздействие, который этот предмет может производить. Эта основная функция покрывает собой несколько мини функций. Но прежде чем приступить к рассмотрению подфункций эвфемизмов, можно определить основную функцию дисфемизмов, применяя принцип их взаимозаменяемости. Таким образом, главная функция дисфемизмов заключается в том, чтобы

выставить напоказ, придать огласке, выставить на всеобщее обозрение какой-либо неприятный предмет или воздействие этого предмета. Определив основную функцию дисфемизмов, перейдем к рассмотрению мини-функций эвфемизмов и дисфемизмов.

1. Эвфемизм может использоваться с целью проявления вежливости и уважения. Соответственно дисфемизм используется в случаях отсутствия такого качества как вежливость у той или иной личности, а также с целью преднамеренного проявления неуважения. Например

"You sons of bitches are crazy," I told the two guys [8, с.22].

2. Эвфемизм используется для того, чтобы отдать дань уважения непристижным профессиям. В качестве примеров можно привести следующие замены слов. Waiter – head waiter; flight assistant- stewardess. Заметим, что заимствования могут часто выступать в роли эвфемизмов, выполняя, в том числе функцию, упомянутую выше, в особенности, если эти заимствования происходят из языков, которые принято считать более культурными, изысканными или утонченными [17, с.47-49]. В таком случае дисфемизм может выполнять функцию акцентирования внимания на непристижной, либо непристойной профессии, либо на отрицательных качествах ее представителей как в следующем примере:

Taxi drivers. Money-grabbin bastards [18, с.5].

3. Также эвфемизм используется для того, чтобы уважить достоинство людей страдающих заболеваниями либо находящихся в плохой ситуации. Тогда дисфемизм будет выполнять функцию неприятия в учет плохой ситуации какого-либо человека.

4. Смягчение неприятной темы – это также одна из функций эвфемизмов. Дисфемизм же и здесь способен действовать в прямо противоположном направлении, то есть выводить на передний план неприятную для собеседника тему или быть прямым проявлением отношения к той или иной теме говорящего, как это показано в следующем примере.

"He did that to me once. He tried to starve me."

"I don't care. I'm not kissing his ass. I'll quit or starve, anything [8, с.15].

Как видно из примера герой произведения не пытается скрыть своего конфликта с начальством и использует дисфемизмы для того, чтобы выразить свое отношение к проблеме.

5. Стоит обратить внимание на то, что полит корректный язык по сущности своей является эвфемистичным. Поэтому очередная особенность

функционирования эвфемизмов – это их употребления с целью того, чтобы быть поли корректным. Обильное употребление дисфемизмов лишает речь данного качества, однако это не препятствует развитию тенденции дисфемизации политического дискурса. Это можно отчасти объяснить тем, что современный политик пытается быть понятным и доступным для избирателя и других граждан, стремится к простоте, понятности с целью достижения нужного уровня взаимопонимания [6, 2015].

6. Эвфемизмы могут использоваться для того, чтобы избежать этнических или половых оскорблений. При этом указанные темы являются полем для обильного функционирования дисфемизмов.

7. С целью называния табуированных объектов и действий, которые в свою очередь предстают в качестве дисфемизмов. Такими табуированными объектами являются, к примеру, части женского тела, при назывании которых грань между дисфемизмом и эвфемизмом весьма тонка. Следующий пример хорошо демонстрирует подобную особенность взаимодействия.

What I mean by big was that her ass was big and her tits were big and that she was big in all the right places [8, с.8].

Из примера видно, что в одном предложении могут совмещаться употребление дисфемизмов и эвфемизмов, если они действуют внутри одной сферы функционирования. В данном случае «ass» и «tits» – дисфемизмы, в то время как «right places» – эвфемизм.

8. Эвфемизмы можно назвать в определенной степени «едкими» словами [15, 2001], также как и дисфемизмы. При этом употребление дисфемизмов неизбежно в повседневной речи. В данном случае нельзя утверждать, что дисфемизмы работают в той же взаимозависимости как и в ситуациях рассмотренных выше. Уровни дисфемии и эвфемии в повседневной речи могут различаться в зависимости от множества различных факторов. Скорее будет справедливым утверждение о том, что употребление дисфемизмов в повседневной речи также неизбежно. Данный случай функционирования эвфемизмов и дисфемизмов также можно выделить как особенный, так как здесь этим двум понятиям не свойственна прямопротивоположная взаимозависимость.

9. Эвфемизмы используются, чтобы заменить различные понятия, которые обозначают телесные выделения, например sweat – perspire. Дисфемизмы в подобной категории употребления используются как показатель непристойности

подобных процессов. Эвфемизм здесь стремится к биологическому, научному трактованию свойств человеческого организма, а дисфемизм к бытовому. В примере:

The sweat was lashing oafay Sick Boy [18, с.3] слово sweat принимает на себя дисфемистическую окраску если учитывать его употребление вместе с глаголом lash и контекстом.

10. Эвфемизмы могут использоваться при обозначении грязных, неприятных или опасных мест. Дисфемизмы в данном случае использования могут более точно характеризовать особенности подобных мест и выражают зачастую мнение местного населения по поводу этих мест.

11. Употребление эвфемизмов также характерно для обозначения смерти и болезней. В первом случае эвфемизм выражает почтение усопшему, а во втором стремится к смягчению вербального воздействия названий тех или иных болезней. Дисфемизм в первом случае может выражать негативное или безразличное отношение к погибшему, а во втором подчеркивать губительное влияние некоторых болезней.

Одельного внимания заслуживает сфера гендерного употребления эвфемизмов и дисфемизмов. Последние несут собой особую остроту при отрицательной коннотативной окраске в том случае, когда они обращены к представительницам женского пола. Женская тематика изобилует эвфемией, в особенности, когда происходит межполовое общение. Дисфемизмы, направленные в сторону женщин, в свою очередь, более характерны для коммуникации внутри мужских обществ.

Однако, как правило, в целях преследования табу «галантности» осуществляется применение эвфемистических единиц, которые способны вывести на первый план женственность, представляющую как своеобразное оппозицию маскулинности [3, 2015]. Приведем некоторые примеры. Не всякое слово, используемое в сфере проявления биологической деятельности человеческого тела способно избежать дисфемистической окраски, если оно используется по отношению к женщине. Рассматривая такой процесс как потение, по отношению к женскому полу более уместно употребление определенных лексических единиц как wetness или bedewed (разгоряченная). A lady might get bedewed but she didn't sweat [12, с. 24]. Интересным здесь также представляется такое

замечание «Horses sweat, men perspire and women glow» [16, с. 409].

Особой запретной темой предстают случаи упоминания «критических дней у женщин». Когда речь касается подобной темы говорящий старается прибегнуть к собирательным или описательным лексическим единицам :(Those days, feminine complaint, periods). Для данного случая также характерно использование метафор в целях проявления эвфемии (looks like a wet weekend). Приведем такой пример. I want to make love to her but she says no, it's the wrong time of the month [13, с. 426].

Как видно из приведенных выше примеров эвфемизмы и дисфемизмы взаимодействуют не как противоположные понятия, а как понятия очень близкие, с весьма тонкой гранью. При обращении к женскому полу нейтральное слово может легко стать дисфемизмом. Таким образом, грань между рассматриваемыми нами понятиями становится более размытой, что приводит к усложнению общения между мужчинами и женщинами в повседневной жизни и может стать причиной различного рода конфликтов и отсутствия взаимопонимания между полами.

Предлагаем рассмотреть еще некоторые примеры эвфемии и дисфемии касательно обсуждаемой темы общения. Интимные области женского тела практически в любой культуре относятся к сфере лексического запрета. Открытое использование в общении упомянутой сферы слов в большинстве случаев непозволительно и воспринимается как вульгарность и выход за пределы границ культурного общения. То есть, данные понятия предстают во многих случаях как дисфемизмы. Поэтому, в целях сокрытия сути подобных слов характерно применение эвфемизмов. К примеру «Whilst they drank they compared their amazing experiences and the mob gaped whilst they discussed mosquitoes, monsoons, bars, bazaar, ship biscuits, pagodas, sacred and profane cows, and the contours and the anatomical intimacies of Armenian woman» [10, 1947].

Установки нравственного характера запрещают открыто говорить о женской «груди», для чего в словарном запасе английского языка имеется в наличии множество лексических единиц способных взять на себя роль, как эвфемизмов, так и дисфемизмов. Обратим внимание на то, что само слово грудь или английское «breast» может само представлять в виде эвфемизма в зависимости от контекста. В

качестве эвфемизмов могут представлять также такие слова как headlights, mae west, milk makers.

Однако лексические единицы характерные, прежде всего для «уличной» речи английского языка могут предложить нам широкий ряд слов, которые в большинстве случаев предстают в виде дисфемизмов. Tits, titties, tig ol' bitties, boobs, jugs, melons, cans, hooters, dirty pillows – это лишь часть словесного лексикона, обозначающего одну и ту же часть тела.

Для того чтобы показать как взаимодействуют эвфемизмы и дисфемизмы в обсуждаемой нами области, приведем пример из современной англоязычной литературы. Обратимся к известному бестселлеру Стивена Кинга «Кэрри».

Mom: -gasp- I see your dirty pillows!

Carrie: Those are my breasts, moma.

Mom: Come! -shouts- IN the name of GOD! We shall burn the dress and beg for forgiveness [14, с.129].

Из примера видно, что и в данном случае эвфемизмы и дисфемизмы выходят из рамок прямо противоположного взаимодействия. В очередной раз рассматриваемые понятия сближаются в своем взаимофункционировании. Однако в данном случае, грань размывается между эвфемизмом и нейтральным словом, а не дисфемизмом и вторым. Тем не менее, этот процесс также позволяет нам говорить о сближении рассматриваемых нами понятий.

Еще одной темой в области лексики, которая затрагивает сферу женщин, является тема «древнейшей профессии», при упоминании которой говорящему также следует соблюдать большую аккуратность. Слова данного ряда легко становятся дисфемизмами, в том случае если целью стоит обидеть какую-либо представительницу женского пола или указать на ее недостойное поведение. В таких случаях смысл таких слов как street walker, tramp, hustler и т.д. передает совсем уже не профессию. Они принимают дисфемистическую окраску и становятся средством оскорбления женщины. Приведем пример: because she is a streetwalker, that's what she goes and get herself ruined by a man thirty years older than she is [11, с. 89].

На основе вышеприведенных примеров видно, что сфера общения с женщинами, либо ее также можно назвать сферой межполового общения, является своеобразным исключением, если мы рассматриваем как относятся друг к другу эвфемизмы и дисфемизмы. Заметно, что эти понятия в большинстве случаев сближаются и

такая пропорция как эвфемизм – нейтральное слово – дисфемизм становится уже не столь очевидной.

Заключение.

Подводя итоги, можно сделать определенные выводы касательно особенностей функционирования дисфемизмов в англоязычной литературной речи. Ключевой особенностью функционирования дисфемизмов является то, что они имеют прямопротивоположную зависимость к эвфемизмам, что позволяет ясно увидеть их роль во многих случаях их употребления в литературном языке. Как было показано в примерах, дисфемизмы зачастую несут функцию преднамеренного негативного языкового посыла. В таком случае, дисфемизм – это осознанный выбор говорящего. Он позволяет, сделать определенное представление о нравственном воспитании того или иного лирического героя, если речь идет о литературном произведении. Однако, среди всех случаев функционирования дисфемизмов можно выделить особенный, когда грань между дисфемизмом, нейтральным словом и эвфемизмом становится менее четкой. Это было показано на основе примеров функционирования языка пот отношению к женскому полу. В этом случае, дисфемизм – не всегда осознанный выбор говорящего, поэтому данная особенность функционирования дисфемизмов ведет к определенному языковому недопониманию между мужчинами и женщинами. Тем не менее, множество особенностей работы дисфемизмов в том числе и в англоязычной литературной речи остаются не раскрытыми и требуют дальнейшего изучения.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

Литература

1. Варбот Ж. Ж. Табу // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
2. Видлак С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля // Этимология: материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. М.: Наука, 1967.
3. Вильданова, Г.А. Эвфемия и принцип вежливости в современном английском языке: монография. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015.
4. Кацев, А.М. Языковое табу и эвфемия: учеб. пособие к спецкурсу. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988.

5. Крысин, Л.П. Иноязычное слово в роли эвфемизма // Рус. яз. в шк. 1998. № 2.

6. Пастухова О.Д. Дисфемизмы английского языка и их структурные особенности // СМАЛЬТА. №2, 2015.

7. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004 .

8. Bukowski Charles. Post office. Virgin books, 2009.

9. Chamizo Domínguez, P.J. and F. Sánchez Benedito. Euphemism and dysphemism: Ambiguity and supposition, *Language and Discourse*, 1994, p. 78–92.

10. Cronin A. Hatters Castle. Boston, 1947.

11. Dreiser T. Jennie Gerhardt. Progress, 1972. P. 89.

12. Holder R. W. Dictionary of Euphemism. N. Y., 2003. P. 270.

13. Howatch S. Sins of the Fathers. Copyright. Susan Howatch., 1980. P.426.

14. King S. Carrie.Pocket., 1999. P. 129.

15. Mitchell, B. The corrosive power of euphemisms. The Washington Times., 2001.

16. Neaman J. S., Silver C.G. Kind Words: A Thesaurus of Euphemism. N. Y.: Avon Books, 1990. 409 p.

17. Sagarin, E. The Anatomy of Dirty Words. New York: Lyle Stuart., 1968.

18. Welsh I. Trainspotting. Vintage., 2013.P. 3-5.

References

1. Varbot Zh. Zh. Taboo // The Russian language: Encyclopedia. M., 1979. [in Russian].

2. Vidlak S. The problem of euphemisms on the background of the language field theory // Etymology: materials and investigations upon Europeans and other languages. M.: Nauka, 1967. [in Russian].

3. Vildanova, G.A. Euphemisms and the principle of politeness in the modern English language: monograph. M.-Berlin: Direkt-Media, 2015. [in Russian].

4. Katsev, A.M. language taboo and euphemisms: ucheb. posobie k spetskursu. L.: LGPI im. A. I. Gertsena, 1988. [in Russian].

5. Kryisin, L.P. A foreign word in the role of euphemism // Rus. yaz. v shk. 1998. # 2. [in Russian].

6. Pastuhova O.D. Dysphemisms of the English language and their structural peculiarities // SMALTA. #2, 2015. [in Russian].

7. Sheygal E.I. Semiotics of the political discourse. M.: Gnozis, 2004. [in Russian].

8. Bukowski Charles. Post office. Virgin books, 2009.

9. Chamizo Domínguez, P.J. and F. Sánchez Benedito. Euphemism and dysphemism: Ambiguity and supposition, *Language and Discourse*, 1994. p. 78-92.

10. Cronin A. Hatters Castle. Boston, 1947.

11. Dreiser T. Jennie Gerhardt. Progress, 1972. P. 89.

12. Holder R. W. Dictionary of Euphemism. N. Y., 2003. P. 270.

13. Howatch S. Sins of the Fathers. Copyright. Susan Howatch., 1980. P.426.

14. King S. Carrie.Pocket., 1999. P. 129.

15. Mitchell, B. The corrosive power of euphemisms. The Washington Times., 2001.

16. Neaman J. S., Silver C.G. Kind Words: A Thesaurus of Euphemism. N. Y.: Avon Books, 1990. 409 p.

17. Sagarin, E. The Anatomy of Dirty Words. New York: Lyle Stuart., 1968.

18. Welsh I. Trainspotting. Vintage., 2013. Pp. 3-5.

Бех Екатерина Федоровна, аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Ekaterina F. Bekh, postgraduate, Belgorod State National Research University

РАЗДЕЛ II. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 130.2:81'342

DOI: 10.18413/2313-8912-2017-3-2-9-18

Гайдамачук О.В.

ГРАММАТОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ПУНКТУАЦИИ

«Харьковский Политехнический институт», 61002, 903 у1, ул. Кирпичева, 21, г. Харьков, Украина
haidamachuk@gmail.com

Аннотация. Пунктуация, появившаяся как изобретение переписчиков, эволюционировала до статуса философского средства и все чаще проявляет симптомы своей эмансипации в письме. Два французских философа, представляющих две разные эпохи в истории философской мысли, с разных позиций критиковали пунктуацию и по-разному ею пользовались. Если Ж.-Ж. Руссо считал ее симптомом «наращивания артикуляции» в письме, то Ж. Деррида воспринимал ее как «агента устной речи» (интонации) и пытался выработать «новый способ чтения» – атональную артикуляцию. Поскольку, согласно В. Россману, философствовать можно и пунктуацией, некоторые знаки препинания применяются как средство философствования, как, например, согласно Россману, кавычки у Деррида. Но, в отличие от Россмана, мы считаем, что кавычками Деррида перечеркивает интонацию пережившего инфляцию понятия в пользу его детонационного запаса. Сравнение языкологических и текстологических уровней артикуляции «Опыта» Руссо и «О грамматологии» Деррида подтвердило тезис о «наращивании артикуляции». Являясь лишь частным проявлением общей тенденции «наращивания артикуляции», пунктуация оказывается причастной не столько к озвученной Руссо проблеме «остывания» интонаций письма, сколько к ее «укрытию». Небольшой экскурс в историю западноевропейской и древнеславянской пунктуации показывает, что среди ее сторонников и противников были (обобщая) как рационалисты, так и иррационалисты. Пунктуация представляется неизбежной стадией на пути развития письменного разума. И ее роль в философском тексте еще не изучена сполна.

Ключевые слова: пунктуация; грамматология; интонация; артикуляция; философское письмо.

Haidamachuk O.V.

GRAMMATOLOGICAL DIAGNOSTICS OF PUNCTUATION

National Technical University “Kharkiv Polytechnic Institute”, 21 Kyrpychova St., Kharkiv, 903 u1, 61002, Ukraine
haidamachuk@gmail.com

Abstract. Punctuation which arose as a copyists' invention, has evolve to the status of philosophical means, and now it more often demonstrates the symptoms of its emancipation in writing. Two French philosophers, who represent two different ages in the history of philosophical thoughts, both criticized punctuation from different positions and used it in a different way. J.-J. Rousseau considered it as the symptom of an «articulation increase» in writing. J. Derrida perceived it as an «oral speech agent» (intonation) and tried to work out a «new way of reading» – atonal articulation. As, according to V. Rossman, it is possible to philosophize with punctuation, some punctuation marks are used as philosophizing means, like, for example, according to Rossman, quotation marks in Derrid's works. But, in contradistinction to Rossman, we think, that Derrida crosses intonation of the inflated concept by quotation marks in favour of its *detonational* reserve. Comparison of *language*-logical and *texto*-logical articulation levels in «Essay...» by Rousseau and «Of Grammatology» by Derrida supported the thesis about the «articulation increase». Punctuation, as a particular display of general tendency of «articulation increase», turns out to be involved in not so much to «cooling» writing intonation problem, which was expressed by Rousse, as to intonation «covering». A short insight to history

of West European and Old Slavonic punctuation demonstrates that punctuation adherents were rather (if to generalize) rationalists and its opponents were rather irrationalists. It looks like punctuation is an inevitable stage on the way of writing mind developing. And its role in a philosophical text has not explored fully yet.

Key words: punctuation; grammatology; intonation; articulation; writing.

Знаки акцентов, как и вообще пунктуация, – это зло письма: это не просто изобретение *переписчиков* (*курсив Деррида*), это изобретение тех, кто переписывает тексты на *чужом* (*курсив Деррида*) для них языке; и переписчик, и читатель по сути своей оторваны от живого использования языка. Они хлопочут вокруг умирающего слова, пытаясь его приукрасить...

Ж. Деррида (О грамматологии)

Правила расстановки пунктуационных знаков изобретены в отечественной канцелярии и утверждены редакторами и корректорами тем прочнее, чем отдаленнее эти люди от письма...

В. Бибихин (Язык философии)

Текст Ж.-Ж. Руссо «Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании», и текст Ж. Деррида «О грамматологии», в котором деконструируется «Опыт...», оба являются пунктуационными. Однако если Руссо критикует недоразвитость знаков препинания, указывая на их потенциальные возможности в передаче интонации, то Деррида, хоть и не склонен ни «к *строгой синтаксической аскезе*» [14, с. 69], ни, соответственно, к пунктуационному минимализму, все же заявляет о «зле» пунктуации. Как объясняет В. Россман, все знаки препинания, кроме кавычек, для деконструктора – это «своего рода *“пятая колонна” устной речи внутри письма*» [14, с. 74]. Парадокс в том, что сам Деррида, используя сложный синтаксис, подчеркивает «нефонетичность» пунктуации, характеризуя ее как «*прекрасный пример нефонетического знака в письме. То, что она неспособна передать на письме интонацию и модуляции голоса, выявляет все убожество письма, ограниченного своими собственными средствами*» [5, с. 400]. Почему Деррида в отношении пунктуации применяет этические категории («зло») мог бы прояснить тот факт, что письмо пунктуационно «симулирует» наличие интонации¹, против которой он выстраивает свой грамматологический бастион. Но слово «убожество» в приведенном отрывке ясно указывает, что здесь Деррида, как он думает, восполняет мысль Руссо, а не высказывает свою собственную позицию.

В. Россман виртуозно показал на примерах, что «*философствовать можно не только пропозициями, но и синтаксисом*» [14, с. 69], включая его пунктуационные средства. Самым фундаментальным знаком деконструкции и

основным ее символом он называет «кавычки», поскольку, как он считает, они единственные «*остаются верными письму и графизму в целом*» [14, с. 73-74], в то время как все другие пунктуационные знаки являются откровенными агентами устной речи. Оказывается, что «конвой кавычек» бережет письмо от «предательства» (в «эпохальном режиме» кавычек) речи. Интонацию в деконструкции Россман прочитывает просто как «логоцентрическую иллюзию» [14, с. 75]. Его «ирония» мешает ему дочитать важную вещь: Деррида пытается продемонстрировать нам, что у Руссо «позитивное» восприятие пунктуации всегда-уже переплетено с «негативным» (из-за своего несовершенства она слабо справляется с возложенной на нее функцией). То есть не может быть ни «верных», ни «предательских» пунктуационных знаков, особенно если интонация – это просто иллюзия. Но в том то и дело, что даже в условиях утраты интонацией «командной роли» в письме кавычки вместе с отсрочкой этой роли артикулируют предоставление «голоса» детонациям [4] текста, то есть фактически подводят к интонации – «обходным маневром» – с другой стороны. Прежде, чем остановиться на эпистемологической и культурной ипостасях кавычек в деконструкции (по В. Россману), предлагаем разобраться с тем, что пунктуация значила для Жан-Жака.

На самом деле, Руссо почти никак не отзывается о пунктуации в «Опыте»². Небольшой фрагмент, где Жан-Жак прямо говорит о знаках препинания, смещен в «подвал» примечаний. Там Руссо сокрушается по поводу ее примитивности (или «убожества», как сказал Деррида), указывая через условную и вопросительную модальность на пути ее усовершенствования, чтобы

¹ Нейрофизиологи считают, что человеческий мозг одинаково реагирует на просодию и пунктуацию [Steinhauer].

² Поэтому Деррида приходится дочитывать необходимый контекст из статьи «Переписчик», которую Руссо подготовил для «Музыкального словаря».

«восполнять энергию интонации»: «лучшим из таких средств явилась бы пунктуация, будь она менее несовершенной. Почему, например, у нас нет звательного знака?» [15, с. 98]. Еще Руссо хотел бы видеть в письме специальные знаки для иронии³. А вопросительный знак он считал излишним по причине измененного порядка слов в вопросе, который не используется в других типах предложений.

Автор «Опыта» не обходит вниманием диакритические⁴ знаки (в русском языке, например, две точки над ё, черточка над й, знак ударения: *за́мок* и *под.*), которые иначе еще называют «акценты»: «У нас нет никакого представления о звучном и гармоничном языке, который говорит столько же высотой звука, сколько его качеством. Те, кто считает, будто акцент можно передать знаками акцентов (выделено мной – О.Г.), ошибаются: эти знаки изобретают лишь тогда, когда интонация уже утеряна» [15, с. 100]. Вся глава «О просодии» посвящена критике письма вообще, не имеющего средств точно обозначать высоту звука, подобно музыкальным нотам. То есть рефлексия о пунктуации вызывает у Руссо «грезы» о возможных мирах (использует условное наклонение), где мелодия устной речи фиксируется на письме с четким ритмом и интервалами, подобно музыкальному произведению. Чтобы чтение текстов могло доравняться исполнению фуг и сонат, а человеческий голос мог быть вполне использован как инструмент. И, что важно, Руссо говорит не об аудио-фиксации, с чем превосходно справляются современные технические средства, а об обогащении ресурсов точности – «нотации»⁵ письменной речи, ориентированной на читателя: какими средствами ему достичь наибольшей ясности в чужом тексте. Этим исчерпывается

³ В 1953 г., как бы в ответ на эти пожелания Руссо, во французском журнале «Chronique graphie», было предложено ввести специальные знаки препинания для обозначения не только иронии, но и гнева, колебания, симпатии / антипатии, сочувствия и т. д. На сегодняшний день самым богатым в обозначении эмоций является язык интернет-среды (неформального общения) с его экспрессивными эмоджонами, выражающих широкий спектр «ситуативных настроений».

⁴ Этимологически слово «диакритический» восходит в древнегреческому «служащий для различения».

⁵ Ш. Калверт пишет: «‘образ’ мысли поддерживается и подкрепляется ‘образом’ пунктуации как не-семантическим, но богатым дескриптивным нотационным языком-в-себе» [20, с. 2].

критика пунктуации у Руссо. Теперь вернемся к кавычкам у Деррида.

Разберем пару примеров тех слов, что взяты под стражу кавычек в тексте Деррида. Сразу отметим, что закавыченных единичных слов не так много, как может показаться со слов Россмана.

1. Первый неблагонадежный – слово «эпоха»: «Речь идет о чтении того, что можно было бы назвать «эпохой»⁶ Руссо [5, с. 111]. Кроме кавычек, здесь используется условное наклонение (*можно было бы*), которое также детонирующе действует на затавренное кавычками слово. Клеймящая функция кавычек – ограничивать смысловое поле, причем в артикулированных ниже пределах: «За словом «эпоха» мы видели и структурный образ, и историческую целостность, хотя значение этого слова и не исчерпывается этими двумя определениями. Тем самым наше внимание было сосредоточено на этих двух важнейших моментах, которые мы стремились взаимоувязать, настойчиво обращаясь при этом к вопросу о тексте, о его историческом статусе, о его собственном времени и пространстве» [5, с. 111-112]. Относясь к минувшей «эпохе» как к тексту, Деррида стремится точно (через закавыченные ключевые понятия) прервать ее линейность (мы называем эту процедуру детонацией, поскольку Деррида нацелен на тонации, не получившие статус «ин-»).

2. Второй «предатель» – «полная» в отношении слова *речь* (*de la parole* «*pleine*» [28, р. 12]): «История истины, история истинности истины всегда была – за исключением одной метафорической уловки, которую нам нужно будет учесть, – принижением письма, его вытеснением за пределы «полной» речи» [5, с. 116]. В данном случае кавычки клеймят бесосновательность агрессии устной речи по отношению к письму, поскольку ее полнота явно ставится под сомнение.

3. Третий, но не последний «конвоированный кавычками» в «О грамматологии», – «язык» («*langage*» [28, р. 15]): «Проблема языка (курсив Деррида), как бы ее ни понимать, никогда не была такой, как все. Но сегодня, как никогда, она как таковая (курсив Деррида) заполонила собою весь мировой

⁶ В оригинальном тексте «*l'époque de Rousseau*» употреблено без кавычек [28, р. 7] а в англоязычном переводе Гаятри Чакраворти Спивак и в русскоязычной версии Натальи Автономовой кавычки есть.

горизонт самих различных исследований и самых разнородных (по цели, методу, идеологии) речей. Свидетельство этому – обесценение самого слова «язык», доверие к которому изобличает небрежность словаря, желание соблазнить подешевке, пассивное следование за модой, авангардистское сознание, за которым скрывается невежество. Эта инфляция знака «язык» есть инфляция знака как такового, инфляция как таковая, абсолютная инфляция» [5, с. 119]. Здесь кавычки клеймят семантическое банкротство слова «язык», служащее основанием для Деррида предлагать замену – слово *письмо*, унаследовавшее, согласно деконструктору, наконец-то все то, что изначально ему принадлежало, вследствие чего «*письмо переполняет язык и выходит за его рамки*» [5, с. 120]. А, значит, и само оказывается закавыченным («*écriture*» [28, р. 16]). Нанберг пишет об этом, как об озарении: «*неожиданно обнаружилось, что письмо – просто язык*» [25, р. 3]. Деррида действовал, как строгий переоценщик, точь-в-точь, как он характеризовал самого Руссо [5, с. 401]. Он предчувствовал масштабные изменения в культуре, поэтому начал подготовку к грядущей эпохе с ревизии актуального словаря, в котором место интонации, по «завещанию» Руссо, он отводит артикуляции как практике нового способа чтения.

Руссо критикует «*несовершенство*» [5, с. 400] пунктуации из-за недостатка знаков *звательности и иронии*⁷, как *запоздалое и несовершенное* изобретение⁸, «зло» которого – в олицетворении артикуляционного наступления на интонацию⁹, в котором, согласно текстам Руссо, Деррида различает *три уровня артикуляции* или «наращивания артикулированности» [1, с. 25]: *двойная* артикуляция Мартинэ [5, с. 401] с учетом пунктуации превращается в тройную артикуляцию:

- 1) *расчленение на слова* (угадывается уже в логографии);
- 2) *алфавит* (расчленение *на звуки* в фонетическом письме);

⁷ Можем попутно заметить, что, например, в украинском языке есть *звательный* падеж, позволяющий легко от личить на письме точку «называния» от точки «подзывания».

⁸ Chafe W. указывает на расхождения между пунктуацией и просодией [21].

⁹ Т. Адорно высказывается в этом же ключе: «в каждом пунктуационном знаке, от которого предупредительно уклонились, письмо выказывает почтение к подавляемому им звуку» [19, 305].

3) *пунктуация*.

Если мы обратимся к истории письменности, то обнаружим, что синтетическая по сути *пиктография* не требовала пунктуации. Аналитическая *логография*, нуждаясь в некоторой «разметке», практически ее не знала. Однако если «*расчленение языка на слова... уже вычеркивает из него энергию интонаций*» [5, с. 399], то «энергетический кризис» интонации спровоцирован не пунктуационными знаками (3), а еще логографией (1). А лого(фоно)центризм обанкротился из-за того, что наличие артикуляций больше не подкреплялось «активом» интонационных запасов, доверенных письму. При сравнении «уровней артикулированности» обсуждаемых здесь текстов Руссо и Деррида, как образцов двух разных эпох (логофоцентризма и грядущей граматологии), проверим, работает ли прогноз Руссо о наращивании артикуляций в тексте деконструктора.

В обоих текстах (Руссо и Деррида) мы найдем более разнообразный перечень артикуляционных уровней: сложившихся *языкологично* и *текстологично*. *Языкологические* уровни являются общими для текстов Руссо и Деррида: 4) *позиционная иерархия букв* (сначала все буквы были ПРОПИСНЫЕ), буквы строчного письма появились позже; 5) *пробелы между словами* (изобретение скорописи), 6) *редуцированные гласные*: «*исчезающие интонации и выравнивающаяся длительность гласных восполняется новыми грамматическими сочетаниями и расчленениями*» [15, с. 93], редукция гласных звуков стимулировала «агрессию» согласных в «*разъедании напевности*»; 7) *абзацы* (ряды, страницы с определенными верхним-нижним-правым-левым полями); 8) *разделы*; 9) *примечания*; 10) *цитаты*; 11) *вставные конструкции* (слова и предложения).

Текстологические уровни артикуляции отличают письмо Руссо от письма Деррида. Так, в «Опыте», кроме названного, артикулируется 12) *прямая речь* [15, с. 120, 124, 130, 131] в главах о музыке. А Деррида структурирует свой текст не просто разделами (как Руссо, у которого их 20), а еще у него есть: *вступление* (общее и к обоим частям), *части* (две), *главы* (три + четыре), *разделы* (три-три-три + два-три-три-пять) и *подразделы* (три раздела третьей главы второй части содержат три-три-пять подразделов. То есть более дифференцирован *языкологический* уровень № 8 (разделы), а относительно № 10 (цитаты) следует добавить, что большинство цитат у Деррида выделяется абзацем и другим

размером шрифта. Кроме того, на текстологическом уровне у него часто артикулируются 12) *эпиграфы* (за исключением третьей и четвертой глав); 13) *курсивные* вмешательства в цитированный и собственный текст, на которых мы сейчас остановимся подробнее; 14) *кавычки*, о которых уже говорилось выше. Значит, Деррида превосходит Руссо в «членораздельности», чем подтверждает тезис Руссо о «наращивании артикуляции».

Так, показательным является и *курсивное* вмешательство Деррида в текст Руссо: деконструктор еще на один шаг подходит к той грани, которую пытается прочертить Руссо между интонацией и артикуляцией, настаивая на их «полярной» противоположности. Это очередной «обходной маневр».

Интонация попадает в «эпицентр» деконструктивистского внимания со страницы 362 «О грамматологии». И уже на 365 странице Деррида вмешивается в автономность читательского интонирования: *«выделенные курсивом места должны определенным образом подспудно направлять чтение этого текста и других подобных текстов»* [5, с. 365]. Эта интервенция в рамках деконструкции не является легитимной: автор тут не имеет права «командного» голоса, права управлять будущим (иным!) прочтением, даже если он провозглашает якобы не собственную волю, а требование текста. И как раз в этом месте нам бы хотелось вернуться к упомянутому Деррида факту из эпиграфа к этой статье о том, что знаки препинания изобрели переписчики. «Авторский» текст, если вдуматься, неоднократно переживает инородные вторжения. Точки, запяты, тире и прочие «нефонетические знаки» прошли свой эволюционный путь и обзавелись собственной генеалогией.

Итак, «авторство» собственно текста и «авторство» его пунктуации не тождественны. Возникает вопрос: не этот ли момент считается началом «вторжения» читателя в авторский текст? «Идиллическое» сосуществование письма и интонации было нарушено вмешательством в авторский текст чужого своеволия (так, знаки пунктуации уподобляются «насилию, хитрости, вероломству и угнетению» [5, с. 255]) как своеобразные следы «пыток»-пункций на «теле» письма. С другой стороны, приписываемая пунктуационным знакам «вина» частично оправдывается их «заслугой» в выявлении интонации в письме: пунктуация визуализирует след интонации, позволяет ее «заметить». Таким образом, введение пунктуационных знаков в фонетическое письмо возымело особенный «эффект». А через «Грамматологию» оно

подпитывает резонанс с «интонационным делом»: пунктуационным знакам приписывается «причастность» к интонационному «застыванию». Возникает вопрос: за что отвечает пунктуация в ситуации письменного «охлаждения» [5, с. 496] интонации? Надеемся, что ответ на этот вопрос нам приоткроется после беглого ознакомления с историей пунктуации.

Пунктуация

Уже к началу XVI века в европейской литературе существовала так называемая риторическая система пунктуации (elocutionary system of punctuation), основной целью восприятия которой было показать читателю, как слово должно произноситься в устной речи.

Энциклопедия Britannica

В современном русском (и латинском) письме функционируют 10 пунктуационных знаков. Презумпция их «виновности» – двойное «распятие» – предполагает, что они намертво «пригвоздили» живую плоть (интонации). Функциональная и графическая инаковость этих знаков выделяет их среди прочих. Но, как доказал Россман, их функция не исчерпывается (коммуникативно- и конструктивно-) синтаксическим (рас)членением» речи. К общеизвестным точке (.), запятой (,), двоеточию (:), точке с запятой (;), тире (-), скобкам (()), кавычкам («»), восклицательному знаку (!), вопросительному знаку (?), многоточию (...) также принадлежат функционально особенные пробелы и абзацы (заглавная буква в начале предложения также функционирует как пунктуационный знак). Современные исследования свидетельствуют, что в целом пунктуация облегчает чтение [26], помогая читателю сориентироваться в тексте.

Начнем с небольшого исторического экскурса: что произошло с письмом в «фатальный» для интонации момент введения пунктуации, тем более что первые тексты ее не знали? Это время предвещает применение «техник регуляции дыхания» при многократном прочтении (матричного) текста. Деррида, например, упоминает о «пневматологии» [5, с. 132] (а Руссо, переживающий об угасании страстности письма, ближе к «кардиографии»). Но общим для обоих случаев (дыхание и сердцебиение) есть наличие определенной ритмики и определенной техники чтения. Способ чтения в культуре решает больше, чем может показаться на первый взгляд.

Традицию применения «регуляции дыхания» при чтении в славянском письме унаследовали от Византии, откуда позднее прибыл и обычай употребления знаков препинания. Экспансия визуализации через пунктуацию вытесняет исихастские практики, ориентированные на слух. Можем предположить, что одним из оснований для введения и развития пунктуации могла быть интенсификация: стремление к минимизации количества прочтений для достаточно глубокого понимания (чтобы освободить время для чтения других книг и повышения эрудиции).

Сперва в алфавитном письме не обозначались границы слов (не было пробелов). Такой текст сосредоточенно читали множество раз (вслух!), согласно предписанному традицией ритму дыхания. Ряды и столбцы текста размечались этим ритмом [16, с. 75]. Многообразие прочтения одного и того же текста (как, например, молитвы или поэзии) способствует, как считают специалисты, его депрагматизации: освобождают разум «от навязанных ему социумом прагматических рамок» [11, с. 46] и стимулирует внутреннюю речь (по Ю. Лотману, только повторное чтение инициирует внутреннюю речь). А значит читатель вовлекается в со-участие и одновременно попадает в поле действия манипуляции. Так текст воспринимается иначе. И, что важно, цель этого способа чтения – уклониться от рации. Если культура – иерархия сложного переплетения текстов, то в каждом конкретном случае даже первое чтение определенного текста частично уже является перечитыванием. Но вернемся к исихастам.

В XI в. теоретическому обоснованию и детальному описанию подверглась практикуемая ими регуляция дыхания (для воспарения духа). Это способ «переживающего» прочтения: «достаточно было подложить под матрицу древние дыхательные приемы», как рекомендовал Симеон Новый Богослов [16, с. 65]. Что важно: книга сосредоточенно многократно читалась вслух, чтобы, «насытив слух» (а не ум!), слиться душой с возвышенным предметом и вжиться в содержание. И, значит, при первом (тем более единственном) чтении интонация «не успевала» проявиться полностью. Но цель их чтения не интонация и не артикуляция. Они стремились заглушить голос разума: «исихасты боролись с теологическим рационализмом» и стремились «отказаться от познания объективного мира», чтобы «погрузиться во тьму субъективного неведения» [18, с. 474]. Значит, текст для них был своеобразной «дверью», ведущей в иной мир, а выработанная техника чтения – путем, ведущим к

единению с богом. Гравитация пунктуации вряд ли могла бы им помочь.

Такой подход к чтению годился тогда, когда доступных текстов было не так много. Книгопечатание кардинально изменило ситуацию. Время «свидания» с одной книгой урезалось в пользу возможности прочесть много других источников. Когда книг становится так много, как теперь, они почти не перечитываются. Если предположить, что в течение единственного сеанса происходит только «зарождение» интонации, то она не успеет «родиться», если текст не перечитают (застрянет на стадии «черновой разметки» интоном).

Первые пунктуационные пробы (финикийская, греческая, латинская буквенно-звуковые системы) были бессистемные: произвольно ставили между некоторыми словами либо черточки, либо точки. Но обращались они уже к глазу¹⁰, а не к уху. Эта традиция сохранилась в средневековом латинском и славянском письме. С ускорением времени эволюционировал и почерк: в скорописи буквы стали писать вместе и появилась возможность пробелами разграничивать слова. Нововведение распространилось как допустимое, а вскоре – и как обязательное: подпало под регламентацию. Таким образом, фонетическое письмо «разбавилось» нефонетическими знаками, тем самым объединив буквенно-звуковой принцип с логографическим [6, с. 523]. Период «чистоты» фонетического письма, если грезить вместе с Руссо, должен был совпадать с временем «живой» интонации текста, но так ли это было на самом деле?

«Нефонетический» пробел – знак отсутствия или, согласно Кондратову, «нулевая буква» [8, с. 102] действует предельно расчленяюще, даже если он «буква», а не пунктуационный знак. Этот своеобразный не-знак не попал в поле зрения автора «О грамматологии», хотя, по убеждению А. Белого, паузы за пробелами – «основной фактор во внутренней интонации»: они таят в себе «потенциальную энергию пред-удара, определяющего силу удара, следующего за ним» [2, с. 42]. Условно относимый к пунктуации и к буквам, пробел нельзя игнорировать, поскольку, кроме его способности прикрывать отсутствие, он еще и утаивает чрезмерное наличие, то есть обладает потенциальной силой детонации.

Самый древний знак препинания (до пробелов) – точка – известна со времен античности, когда ораторам понадобилось

¹⁰ А. Кран, предлагая новую парадигму пунктуации, предпочитает рассматривать «письмо как графическую систему, которая отражает канонические предложения, используя техники визуальных гештальтов» [24, с. 217].

размечать, кроме границ слов, паузы разной длины (короткие, средние, длинные). И славянскому письму XI-XIV вв. была свойственна произвольная «одноточечная пунктуация» [12, с. 16], заимствованная из Византии. Точку использовали в разных комбинациях (от одной до четырех) для обозначения границ слов или пауз, иногда заменяя ее крестом («благословенная» метка вынужденных пустот). В «Остромировом Евангелии» крест как межфразовый знак противопоставлен точке и змейке как внутрифразовым знакам [12, с. 16]. Примерно в XII в. точка получила современное значение. А уже в XX в. «Черный квадрат» Малевича выдвинул точку в ранг «философского текста» [14, с. 72] как символ абсолютного начала и абсолютного конца.

Запятые, точки с запятыми и двоеточия в западноевропейском письме появились в VIII – XI в. (каролингский период) и поначалу употреблялись так же произвольно (верх своеволия переписчиков). В славянском письме нужда в других знаках препинания (запятые для коротких пауз, точки с запятыми – для вопросов) возникла после усложнения письменной речи и развития богословской стилистики (влияние западноевропейской практики).

Семиотический раздел между письменной и устной речью произошел, по Е. Матевосян, между XII – XIV вв. [9, с. 94], когда знаки препинания уже активно употреблялись. Важно предположение автора о синхронности (с этим разделом) возникновения так называемых «рабочих рукописей», «скрывающих голос», но обнаруживающих «более выразительные следы деятельности мысли...» и, что не менее важно, «которые часто сохраняют «внутренний голос», «немое чтение» [9, с. 94]. Суть способности скрывать проявляется именно как способность сохранять, в чем угадывается этимологическая близость слов «беречь-хранить»: функция припрятывания изначально фундирована необходимостью беречь нечто важное.

Пунктуационное вторжение переписчиков в письмо было унаследовано монополизацией и унификацией письма, нацеленного на тиражирование. Книгопечать предельно заострила потребность в унификации знаков пунктуации, которую в конце XV века осуществил венецианский книгопечатник Альд Мануций, используя уже применявшиеся знаки и добавив свои. Учрежденные им правила употребления пунктуации в основном сохранились до сегодня. Таким образом, законодателем пунктуационного «кодекса» стал книгопечатник (что очень символично) – человек, «позволяющий» сбываться

чужим книгам. С тех времен, как книги печатаются, письмо прикрылось маской безликого шрифта. Письмо – это «слоеный пирог» – палимпсест, где потенциально может «заговорить» (в своем тоне) каждый «слой». В славянское письмо однообразие применения пунктуации также пришло с книгопечатью с середины XVI века. До того предложения членились только на коммуникативно-синтаксические компоненты [12, с. 17]: тему и ремю, синтагмы внутри темы или ремы.

Мы можем констатировать, что знаки препинания основательно «прижились» в письме. Попытки «отказа» от них (в «литературе потока сознания... мы находим целое освободительное движение за полную и безоговорочную эмансипацию сознания и письма от всякой пунктуации» [14, с. 68]), кажется, только упрочили их положение. Пунктуация признается под-властной сознанию и, значит, «логоцентричной». Когда Деррида выносит «обвинительный приговор» знакам препинания, он должен был бы, согласно Россману, примкнуть к аналитической традиции, вдохновленной «культурой понятности» которая старается «смирить эмоции» и предложить языку «синтаксическую аскезу» [14, с. 69]. Однако его пунктуация больше соответствует континентальным привычкам: «мы имеем континентальную традицию, в которой знаки пунктуации избыточны, капризны и многофункциональны» [14, с. 69]. Мысль в духе Руссо о том, что первичное употребление знаков пунктуации явилось следствием потребности, а не желания (и потому они замещают интонацию артикуляцией в письме), в данном контексте помогает выявить новые смысловые нюансы. Расценим практику *punctuation* как средство удовлетворения потребности приглушать (укрощать) желания. Тогда представляется несомненным, что с развитием знаков препинания должна расти их чрезвычайная способность уживаться с желаниями, а не только потребностями. Причины этой способности понятны, ибо авторство знаков пунктуации признано за переписчиками, которые, как известно, были монахами. Новая потребность – раскрепостить желания – могла быть резонансным следствием потери монастырями монопольного права на письмо (и знание). Секуляризация письма, наверное, должна была вернуть ему интонационную полноту, но чуда не случилось ни в аналитической философии, практикующей пунктуационную аскезу, ни в континентальной философии, шикующей несдержанной практикой *punctuation*.

Таким образом, знаки препинания первично были «чужеродны» тексту, как «преломляющие» (расчленяющие) его изнутри. Но в свое время «чужеродными» были и сами тексты. Ранее создание текста и его «препарация» пунктуацией были действиями, разделенными временем и действующим лицом. Теперь текст изначально «препарируется» лицом, его создающим, с той разницей, что довершение этой акции поручается третьим лицам – корректору и редактору. Пунктуация настолько органично срослась с текстом, что, как утверждают психологи, даже в немом чтении она помогает обнаружить скрытую просодию [23]. Таким образом, то, что раньше представлялось бы компрометирующей авантюрой для автора, теперь воспринимается как норма. Деррида красноречиво убеждает нас, что для Руссо естественная «история письма есть история артикуляции, членоразделения» [5, с. 454]. Следовательно, пунктуация – необходимая стадия на пути становления письменного разума.

В современном письме пунктуация не всегда выступает в «своем обличье». Так, например, К. Дозен предлагает читать логические константы как пунктуационные знаки [22]. Е. Ищук пишет о вербализации пунктуационных знаков в речи [7] как приеме экспрессивного высказывания, то есть наделенного «грузом» эмоций. А также здесь интересно вспомнить про «детонирующие запятые» [10, с. 421], роль которых, как считает М. Можейко, берут на себя инвективы в устной речи.

Таким образом, мы находим подтверждение диагностированной Руссо тенденции «наращивания артикулированности», частным проявлением которой есть пунктуация, распространившая свое влияние на устную речь. Интересно отметить, что «О грамматологии», в которой «Опыт...» Руссо деконструируется как «образец логоцентрического текста», сама оказывается «иллюстрацией» к «Опыту...»: текст Деррида превосходит текст Руссо по уровням артикулированности, чем подтверждает прогноз философа-энциклопедиста. Но и за рамками философского письма – в повседневной речи – проявляются симптомы общей тенденции. Но разве это значит, что интонация «охладела»?

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

Список литературы

1. Автономова Н.С. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии: Пер. с фр. – М.: Ad Marginem, 2000. – С. 7–107.

2. Белый А. Ритм как диалектика и «Медный всадник». – М.: Федерация, 1929. – 280 с.

3. Биbihин В. В. Язык философии. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 416 с.

4. Гайдамачук О. В. Детонація інтонації в деконструкції // Всеукраїнська студентсько-аспірантська філософсько-релігійозна конференція «Філософія: нове покоління» (22-24 лютого 2006 р., НУКМА, Київ). Тези доповідей. – Київ, 2006. – С. 15-17.

5. Деррида Ж. О грамматологии: Пер. с франц. – М.: Ad Marginem, 2000. – 511 с.

6. Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. – М.: Наука, 1965. – 697 с.

7. Ищук Е. Н. Вербализация пунктуационных знаков в письменных и устных текстах: функциональный аспект / Екатерина Николаевна // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – Вып. № 2 / 2014. – С. 130-138. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/verbalizatsiya-punktuatsionnyh-znakov-v-pismennyh-i-ustnyh-tekstah-funktsionalnyy-aspekt> (дата обращения 16.04.2017)

8. Кондратов А. Звуки и знаки. – М.: Знание, 1978. – 208 с.

9. Матовсян Е. Р. Текст умер. Да здравствует текст! // Вопросы филологии. – 2001. – № 3 (9). – С. 93-97.

10. Можейко М. А. Инвектива // Новейший философский словарь: 2-е изд., перераб. и дополн. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1280 с.

11. Мухелишвили Н.Л., Сергеев В.М., Шрейдер Ю. Д. Дискурс отчаяния и надежды: внутренняя речь и депрагматизация коммуникации // Вопросы философии. – 1997. – № 10. – С. 45-57.

12. Осипов Б. И. Основные этапы истории русского письма // Язык и письмо: Межвузовский сборник научных трудов / Волгоградский гос. ун-т, Волгоград: Изд-во ВолгПИ, 1988. – С. 4-21.

13. Потапов В. В. Речевой ритм в диахронии и синхронии. – М., 1996. – 180 с.

14. Россман В. Техники пунктуации: знак препинания как философский метод // Вопросы философии. – 2003. – № 4. – С. 68-76.

15. Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании // Руссо Ж.-Ж. Сочинения: Пер. с франц. – Калининград: Янтар. сказ, 2001. – С. 85-39.

16. Спивак Д. Л. Язык при измененных состояниях сознания. – Л.: Наука, 1989. – 88 с.

17. Успенский Б. А. Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI-XVII вв.) // Литература и искусство в системе культуры / Сост. Г.Б.Князевская. – М.: Наука, 1988. – С. 208 – 224.

18. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. – М.: Высш. шк., 1991. – 512 с.

19. Adorno T. W., Nickolsen Sh. W. Punctuation Marks. The Antioch Review. Vol. 48, No. 3, Poetry Today (Summer, 1990), pp. 300-305. URL: <http://www.jstor.org/stable/4612221> (date of access: April 17, 2017).

20. Calvert Sh. A Philosophy of Punctuation. The Wedding Space, Berlin, April 1-12th, 2016. URL:

<http://ualresearchonline.arts.ac.uk/10038/2/Punctuating%20Philosophy%20Booklet.pdf> (date of access: April 17, 2017).

21. Chafe W. Punctuation and the Prosody of Written Language. *Written Communication*. Vol. 5. Issue 4. P. 395-426. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0741088388005004001> (date of access: April 10, 2017).

22. Došen K. Logical Constant as Punctuation marks. *Notre Dam Journal of Formal Logic*. – Vol.30, Number 3, Summer, 1989. – P. 362-381. Url: <http://ai2-s2-pdfs.s3.amazonaws.com/333b/7dcdc0ac68c4a883859d8f2ced38ac06440e.pdf> (date of access: April 12, 2017).

23. Drury J. E., Baum S. R., Valeriote H., Steinhauer K. Punctuation and Implicit Prosody in Silent Reading: An ERP Study Investigating English Garden-Path Sentences. *Frontiers in Psychology*. 2016, 7, 1375. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5023661/> (date of access: April 17, 2017).

24. Krahn A. E. A New Paradigm for Punctuation. *Theses and Dissertations*. 2014, May, 1. Paper 465. – 235 p. – Url: <http://dc.uwm.edu/etd/465/> (date of access: April 17, 2017).

25. Nunberg G. The linguistic of punctuation. CSLI lecture notes no. 18. 1990. 151 p. Url: https://books.google.com.ua/books?hl=en&lr=&id=Sh-sruuKjJwC&oi=fnd&pg=PA1&dq=punctuation&ots=KuQvJmvEDB&sig=SH54oafcceDX9xybqwu0mDD6KaE&redir_esc=y#v=onepage&q=punctuation&f (date of access: April 17, 2017).

26. Hirotani M., Frazier L., Rayner K. Punctuation and intonation effects on clause and sentence wrap-up: Evidence from eye movements. *Journal of Memory and Language*. Volume 54, Issue 3, April 2006, P. 425–443. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0749596X05001440> (date of access: March 10, 2017).

27. Steinhauer K. Electrophysiological correlates of prosody and punctuation. *Brain and Language*. Volume 86, Issue 1, July 2003, Pages 142–164. Url: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/12821421> (date of access: May 17, 2017)

28. Derrida J. *De la grammatologie*. Paris: Les Éditions de minuit, 1967. 450 p. URL: <http://www.dhspriority.org/kenny/PhilTexts/Derrida/De%20la%20grammatologie.pdf> (date of access: April 20, 2017).

References

1. Avtonomova N. S. Derrida and the grammarology. In: Derrida J. *Of Grammarology*: Transl. from French. M.: Ad Marginem, 2000. Pp. 7-107. [in Russian].

2. Belyj A. Rhythm as dialectics and «Copper Horseman». M.: Federacija, 1929. 280 p. [in Russian].

3. Bibihin V. V. *Language of philosophy*. M.: Jazyki slavjanskij kul'tury, 2002. 416 p. [in Russian].

4. Haidamachuk O. V. Detonation of intonation in deconstruction. *Vseukrains'ka students'ko-aspirants'ka filosof's'ko-religieznavcha konferencija «Filosofija: nove pokolinnja»* (February, 22-24, 2006, NUKMA, Kyiv). Thesis of papers. Kyiv, 2006. Pp. 15-17. [in Ukrainian].

5. Derrida J. *Of Grammarology*: Transl. from French. M.: Ad Marginem, 2000. 511 p. [in Russian].

6. Istrin V. A. *Origin and development of writing*. M.: Nauka, 1965. 697 p. [in Russian].

7. Ischhuk E. N. Verbalization of punctuation marks in written and oral texts: functional aspect. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. Series: Philology, pedagogy, psychology. Vyp. № 2 / 2014. Pp. 130-138. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/verbalizatsiya-punktuatsionnyh-znakov-v-pismennyh-i-ustnyh-tekstah-funktsionalnyy-aspekt> (date of access: April 16, 2017) [in Russian].

8. Kondratov A. *Sounds and signs*. M.: Znanie, 1978. 208 p. [in Russian].

9. Matevosyan E. R. Text is dead. Long live text! *Philology questions*. 2001. № 3 (9). Pp. 93-97. [in Russian].

10. Mozhejko M. A. *Invective*. Novejšij filosofskij slovar': 2 edition. Mn.: Interpresservis; Knizhnyj Dom, 2001. 1280 p. [in Russian].

11. Mushelishvili N. L., Sergeev V. M., Shrejder Ju. D. Discourse of despair and hope: inner speech and de pragmatization of communication. *Philosophy questions*. 1997. № 10. Pp. 45-57. [in Russian].

12. Osipov B. I. The main stages of Russian writing history. *Language and writing: Mezhdvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*. Volgogradskij gos. un-t, Volgograd: Izd-vo VolgPI, 1988. Pp. 4-21. [in Russian].

13. Potapov V. V. Vocal rhythm in diachrony and synchronicity. M., 1996. 180 p. [in Russian].

14. Rossman V. Punctuating technique: a punctuation mark as philosophy method. *Philosophy questions*. 2003. № 4. Pp. 68-76. [in Russian].

15. Russo Zh.-Zh. *Essay on the Origin of Languages*. Russo Zh.-Zh. *Sochinenija*: Per. s franc. Kaliningrad: Jantar skaz, 2001. Pp. 85-139. [in Russian].

16. Spivak D. L. *Language in altered consciousnesses*. L.: Nauka, 1989. 88 p. [in Russian].

17. Uspenskij B. A. Attitude to grammar and rhetoric in Old Rus' (XVI-XVII). *Literatura i iskusstvo v sisteme kul'tury*. Sost. G.B.Knjazevskaja. M.: Nauka, 1988. Pp. 208-224. [in Russian].

18. Chanyshv A. N. *A course of Lectures on ancient and medieval philosophy*. M.: Vyssh. shk., 1991. 512 p. [in Russian].

19. Adorno T. W., Nickolsen Sh. W. Punctuation Marks. *The Antioch Review*. Vol. 48, No. 3, Poetry Today (Summer, 1990), pp. 300-305. URL: <http://www.jstor.org/stable/4612221> (date of access: April 17, 2017).

20. Calvert Sh. *A Philosophy of Punctuation*. The Wedding Space, Berlin, April 1-12th, 2016. URL: <http://ualresearchonline.arts.ac.uk/10038/2/Punctuating%20Philosophy%20Booklet.pdf> (date of access: April 17, 2017)

21. Chafe W. Punctuation and the Prosody of Written Language. *Written Communication*. Vol. 5. Issue 4. P. 395-426. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0741088388005004001> (date of access: April 10, 2017).

22. Došen K. Logical Constant as Punctuation marks. *Notre Dam Journal of Formal Logic*. – Vol.30, Number 3, Summer, 1989. – P. 362-381. Url: <http://ai2-s2-pdfs.s3.amazonaws.com/333b/7dcdc0ac68c4a883859d8f2ced38ac06440e.pdf> (date of access: April 12, 2017).

23. Drury J. E., Baum S. R., Valeriote H., Steinhauer K. Punctuation and Implicit Prosody in Silent Reading: An ERP

Study Investigating English Garden-Path Sentences. *Frontiers in Psychology*. 2016, 7, 1375. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5023661/> (date of access: April 17, 2017).

24. Krahn A. E. A New Paradigm for Punctuation. *Theses and Dissertations*. 2014, May, 1. Paper 465. – 235 p. – Url: <http://dc.uwm.edu/etd/465/> (date of access: April 17, 2017).

25. Nunberg G. The linguistic of punctuation. *CSLI lecture notes no. 18*. 1990. 151 p. Url: https://books.google.com.ua/books?hl=en&lr=&id=Sh-sruuKjJwC&oi=fnd&pg=PA1&dq=punctuation&ots=KuQvJmvEDB&sig=SH54oafcceDX9xybqwu0mDD6KaE&redir_esc=y#v=onepage&q=punctuation&f (date of access: April 17, 2017).

26. Hirotani M., Frazier L., Rayner K. Punctuation and intonation effects on clause and sentence wrap-up: Evidence from eye movements. *Journal of Memory and Language*. Volume 54, Issue 3, April 2006, P. 425–443. URL:

<http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0749596X05001440> (date of access: March 10, 2017).

27. Steinhauer K. Electrophysiological correlates of prosody and punctuation. *Brain and Language*. Volume 86, Issue 1, July 2003, Pages 142–164. Url: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/12821421> (date of access: May 17, 2017).

28. Derrida J. *De la grammatologie*. Paris: Les Éditions de minuit, 1967. 450 p. URL: <http://www.dhspriority.org/kenny/PhilTexts/Derrida/De%20la%20grammatologie.pdf> (date of access: April 20, 2017).

Гайдамачук О.В., старший преподаватель кафедры этики, эстетики и истории культуры Национального технического университета

Haidamachuk O.V. Senior Lecturer, Department of Ethics, Aesthetics and History of Culture

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2017-3-2-19-24

Tatiana V. Drozdova

**A SCIENTIFIC TEXT AS IMPLYING INFORMATION
ABOUT METACOGNITIVE CAPACITIES OF ITS AUTHOR**

Astrakhan State Technical University, 16 Tatischev St., Astrakhan, 414056, Russia, *drozdova_astu@mail.ru*

Abstract. The paper considers the issue of language and consciousness interconnection in view of verbal units and structures of a scientific text as providing access to mental activity of its author. Proceeding from the generally accepted assumption that all types of human activity are guided by and depend on their metacognitive capacities, which in turn activate their cognition, it is suggested that the author of a scientific text should be regarded as demonstrating these capacities in two interconnected planes: primarily, being a subject of scientific activity and, secondly, being a subject of literary activity while engaged in disseminating the results of the primary one via a written text. The scientific text content is considered in the paper as objectification of the results of cognitive processes and mechanisms guided by metacognition, the “traces” of metacognitive skills can be found in the meaning of certain lexical units and/or inferred by analysing certain syntactic structures in the text. It is argued that a scientific text composition itself can also be considered as created due to metacognitive capacities and language cognition.

Key words: scientific text; cognition; metacognitive capacities; metacognitive strategies; verbal objectification; lexical units; grammatical patterns.

Introduction

The tenets of cognitive linguistics describe the natural language both from psychological and linguistic perspectives: as a mental phenomenon, a cognitive capacity, the main tool of processing and objectifying information, but also as a form of knowledge “which has to be analyzed accordingly, with a focus on meaning” [6, p.3]. In view of this, the scientific text has been investigated by cognitive linguists mainly from the perspective of its comprehension i.e. analyzing the types of information or knowledge represented in the text through lexical units and grammar constructions. By means of this analysis they could gain access to cognitive structures storing special information and to the conceptual fields of different branches of science as well as to the conceptual system of the text author. Unlike the issue of scientific text comprehension, the issue of creating scientific text looked upon as verbal objectification of its author’s mental models of storing special and background knowledge has not yet been examined in detail in linguistic literature. Though comprehension and creation of a scientific text are not mirror images, both involve the activity of consciousness, or, to be precise, metacognitive and cognitive processes and mechanisms. The purpose of the paper is to highlight the role of metacognition and cognition in scientific text creating and to provide evidence that, reconstructing this process by analyzing the meaning of text linguistic units, syntactic structures and text

architecture one can infer information about metacognitive capacities of the writer.

Materials and Methods

The Russian and English scientific articles, scientific monographs and academic texts for university students provided samples of material for investigating the issue, some of them also contributed to the theoretical basis of the paper. The elements of conceptual analysis, semantic analysis, clause relation analysis and traditional written text analysis were applied to the material to get evidence of explicit or implicit ways of text providing access to metacognitive capacities and strategies of its author. General scientific methods of inference and conclusion were used to draw the line of argumentation.

Findings and Discussion

Undertaking the investigation into the issue of science, text creating viewed as guided and controlled by writer’s consciousness or his/her metacognitive and cognitive capacities, the information about which can be traced to various levels of text organization, it is necessary to briefly outline the notion of metacognition, its relations to consciousness and cognition.

The notion “metacognition” introduced by J. H. Flavell [5] and understood as “knowing about knowing”, “thought about thought”, the capacity of an individual to monitor own knowledge, has been further explained and developed by many

psychologist of cognitive schools. According to D. M. Rosenthal, “metacognition consists in the mental access we have to our cognitive states” [11: P. 203] i.e. to our mental states which are conscious. It means that consciousness and metacognition are closely connected, or, as A. Koriat assumes, “metacognitive processes represent an integral part of conscious-controlled functioning” [7: P. 149]. Psychologists made it evident that metacognitive processes such as metacognitive monitoring and control of cognitive processes and mechanisms accompany a great deal of human activities.

It has been illustrated by psychologists that in many cases such monitoring and control are deliberate, intentional, and can be successfully exercised on condition that metacognitive capacities of an individual are well-developed. As to metacognitive capacities or skills, it should be mentioned that there does not exist a generally accepted list of them. Nevertheless, in the majority of psychological works devoted to the subject of metacognition the following metacognitive capacities and strategies are mentioned: to be aware of knowing and to assess the volume and value of possessed knowledge (or working skills); to set the goal of learning something new (or producing a kind of work), to predict the results of knowing (or production), to plan the tasks, to determine stages and means of accomplishing the task, obtaining results, and to control the progress of the task, to compare obtained results with the existing ones and evaluate them, to make inferences, etc. (cf. [5], [10], [12]).

Metacognitive capacities or skills are distinguished from metacognitive knowledge; they concern the procedural knowledge, are highly interdependent, and form and develop in everyday experience and/or while obtaining education, i.e. thanks to repeated situations, deliberate “rehearsal” and self-reflection ([12: P. 90], []). It is quite natural, that scientific activity requires especially high level of their development and individuals involved in this field of activity should be “scientifically literate in order to make informed decisions” [7: P. 1058]. It can be assumed that continuous scientific activity results in metacognitive capacities internalization. However, to explain the essence of any investigation or research, write up the obtained results, to present the content of scientific concepts and describe their relations within the realm of a certain science a scientist makes them explicit by means of introspection – a conscious review of mental activity with obtained knowledge the constituents of which were already given initial nominations.

Re-thinking mental activity in inner speech as well as expressing results of this activity in written words involves linguistic competence of an individual, or, to be more precise, linguistic cognition, i.e., according to V. Z. Demiyankov, everything an individual knows about the language and operations with it [1: P. 30], the fact that language is knowledge, including. It means that an individual, being a language-user, can be conscious of the steps of abstract reasoning, of “whatever contents can be linguistically expressed” [4: P. 6].

Analysing a scientific written text, cognitive linguists can find explicit reference to or implications of cognitive and metacognitive capacities of its author. These are reflections of comprehended mental activity involved both in research conducting and in text creating. Explicit representations of the activity of human mind and its content are viewed in the paper as “linguistic metarepresentations” which are defined by T.A. Klepikova as linguistic units which fulfill the onomasiologic function of nominating a cognitive situation in which the content of cognition, perception or speech is being conveyed. In other words, they represent already existing verbal representations which refer to comprehended mental states. T.A. Klepikova distinguishes phonetic, lexical (including words of cognitive semantics) and syntactic explicit markers of linguistic metarepresentation [2: P. 5-6].

As to the scientific text, we assume that only the last two can be found in the text space and they are mainly used in combination. Moreover, it seems justified to consider these means of metarepresentation as an integral part of metadiscourse which, as N.K. Riyabtseva states, is an obligatory element of scientific discourse which provides for conscious knowing objectification through communication, and at the same time serves a source of scientific metalanguage. The latter reflects the subjectivity of knowing or perception and forms a unified system of means of explication, systematization, categorization and formalization of scientific knowledge [3: P. 456].

Lexical metarepresentations as constituents of the scientific metalanguage include, primarily, the words of cognitive semantics which nominate the objects of mental activity (*idea, hypothesis, теория, значение, знание*, etc.), including the names of units of consciousness (*concept, category, понятие, гештальт*, etc.) and cognitive structures (*frame, world image, нейронная сеть, пропозиция*, etc.). All such words imply the cognitive content which they can introduce and which is formed as the result of cognitive processes, e.g.:

My own view is that language is, in this same sense, an artifact ... [4: P. 12].

To this group belong the names of mental processes, like *understanding, awareness, допущение, предположение*, etc.), e.g.:

The development of a ... model ... requires an understanding of how stress accelerates the bound rupture reaction [8: P. 137].

The list of lexical metarepresentations can be extended by another type of words which explicate information about metacognitive strategies, their conscious monitoring and/or control. These are verbs which N. K. Riyabtseva [3: P. 458-466] called “mental performatives”, or simply “performatives”, since they nominate an intellectual event, can explicit the author’s self-reference to his/her mental sphere, or reasoning. They mainly perform the function of predicate in the main clause (*вычислить что? доказывать что?*, etc.); some of these verbs are used metaphorically (*делать вывод; принять доказательство*, etc.). The argument to a mental performative explicates the content of consciousness, e.g.:

I do not know how long it took Darwin to compose these two paragraphs [8: P. 154].

The above-mentioned scientist also offered a semantic-based classification of these verbs and pointed out that they constitute an element of mental performative utterances (statements), like the following: *Допустим, что (сопротивление воздуха равно нулю); Отвлечемся от (параметра P); Вернемся к (пропозициональной семантике)* [3: P. 459].

As long as syntactic structures have already been touched upon, we consider it necessary to mention that M. Halliday found out that highly typical of what he called “a scientific register” is the grammar pattern which “exploits **metafunctional** principle of clause structure: that the clause, in every language, is a mapping of three distinct kinds of meaning – interpersonal, ideational and textual (clause as action, clause as reflection, clause as information)” [8: P. 140]. In the last two types of the pattern, as can be assumed, the information explicates the content of consciousness, with the main clause predicate being a mental performative. This assumption is supported by investigation of T.A. Klepikova into syntactic type of linguistic metarepresentations in which it was established that the most typical syntactic type of such metarepresentation in the English language is a complex sentence with a sentential complement:

The theory maintains that presuppositions and anaphors can be resolved in the same way [2: P. 5].

This syntactic pattern is also frequent in the Russian-language scientific texts, e.g.:

Кроме того, в психологии давно замечено, что косвенные, имплицитные способы передачи

смысла действуют сильнее, чем прямые [3: P. 489].

Speaking about syntactic (or grammatic) patterns we consider it necessary to mention some which reflect the conscious comprehension of cause-effect or other types of relations, namely *if ... then, although ... (but), хотя, ... но* and the like patterns, (cf. [a + cause + x] in [Hal: 137]) and refer to certain implied metacognitive strategies. Syntactic structures of this kind can be found both in English and Russian scientific texts and, in our opinion, may be considered a type of syntactic metarepresentation with the ellipsis of explicit marking (like *consider, know, believe, принимать во внимание, учитывать*, etc.) which can be easily restored e.g.:

If public language evolved so as to aid interpersonal communication and cooperation, then these uses are, to coin a phrase, teleologically constitutive: they are the essence of language... [4: P. 9].

Чтобы установить, какие именно мыслительные операции субъект выполняет, он должен предпринять особые умственные усилия, осознанную интеллектуальную рефлексию [3: P. 473].

In fact, different types of logic relations while reasoning are mainly conveyed in the scientific text by means of a chain of several sentences. And, in general, various types of linguistic metarepresentations combine in the scientific text to mark different metacognitive capacities and strategies.

Having described the types of explicit metarepresentational marking of metacognitive activity in the scientific text, we proceed by discussing the kinds of information the text conveys about metacognition, or, to be exact, when, where, and how metacognition manifests itself. As to “when”, we suggest distinguishing between two time planes: the first one, or primary, is when the author of the text acts as a subject of scientific/research activity, and the second one, or secondary, is when the author of the text acts as a subject of literary or (writing) activity. “Where” concerns two fields of knowledge and two conceptual spheres: those of a certain science branch and of the natural language. Speaking about “how”, we mean individual’s deliberate implementing different metacognitive strategies, on the one hand, and our distinguishing between orders or levels of metacognition, on the other. The suggested division is artificial and done purposefully, as we are, of course, quite aware of the fact, that all mental processes are interconnected and operating with knowledge means operating with language.

Knowing in scientific activity involves special procedures of learning properties of physical world objects or constructing mental objects with certain

features. Metacognitive strategies and skills are responsible for activating main cognitive processes of conceptualization and categorization, and cognitive mechanisms, like comparing. Their activity results in scientific concepts and categories formation, the content and composition of which, when verbalized, can be presented in the scientific text through their names and definitions which refer to mental structures storing this knowledge and imply corresponding metacognitive strategies and skills. Definition of a scientific concept/notion can be presented as a single sentence, according to a classical formula “A is B”, or it can be extended via a chain of sentences, involving other notions of the same branch of science, which can be organized in a text passage, like the following one representing a definition of a psychological notion:

Metacognition is, roughly, the access we have to whether, or how likely it is that, we know something. When we make judgements about whether we know something or how easily we will learn some item or even whether we have successfully learned it, these are metacognitive judgements. [11: P. 203].

We shall define the metacognition at this level as “primary scientific activity level metacognition”. In contrast to this type, we shall define its introspected representation in the text as “linguistically metarepresented primary scientific activity level metacognition”. Its explication by linguistic metarepresentation marking is illustrated by the following sentence which implies such a metacognitive capacity as “to be aware of one’s knowledge”:

Recall that metacognition is referred to as “thinking about thinking” and involves overseeing whether a cognitive goal has been met [10: P. 3].

The metacognition which is connected with the level of language, or, upon the whole, of verbal objectifying mental activity results, can also be purposefully viewed as acting at several levels:

(a) the level of science word (or term) building – “primary language metacognition”;

(b) the level of representing comprehended mental activity in the field of scientific investigations, metacognitive strategies included, – “secondary language metacognition related to scientific activity”;

(c) the level of literary activity, i.e. writing or creating a scientific text viewed as a problem-solving task which involves selecting information, organizing it in logic sequence according to the author’s reasoning and requirements to the scientific text type structure (architecture) – “secondary language metacognition related to text-writing activity”.

The information about metacognition of level (a) concerns 1. the awareness of knowledge of common and special lexis (terms) and, 2. in case the appropriate name is missing – metacognitive monitoring and control over linguistic mechanisms of word-building. This information is mainly explicated by lexical metarepresentations or implied by the content of a sentence, e.g.:

...поэтому такие перформативные высказывания было бы более точно назвать социологизированными перформативными речевыми актами или социальными перформативами [3: P. 459].

The information about metacognition of level (b) can be inferred due to procedures of written text analysis and semantic analysis of words and verbal expressions in the text space. The metacognitive skills and strategies are taught and developed at educational institutions [7]. They are related to the level of intellect development [12]. Verbal means of reasoning and logic text content structuring in the Russian and English languages as well as metacognitive strategies providing problem solving in scientific text writing are described in detail in many practical guides and academic writings (cf. [3], [7]). The explicit marks of the metacognitive capacities to consciously monitor text-writing activity of an individual can be found among various clichés characteristic of scientific style: *to begin with..., to summarize..., the purpose of the text is..., перейдем к вопросу ... следует указать, что..., etc.*

The information at level (c) is implied by the whole text structure (or meta-structure, text architecture). In some types (or genres) of the scientific text the headlines of its structural parts, like *Introduction, Discussion*, ect. can be viewed as explicit metarepresentations of metacognitive strategies.

As it has been already mentioned above, we assume that since verbal units and expressions in scientific text can be used in combination, it is typical for them to simultaneously objectify the results of mental activity, serve as explicit metarepresentations of some metacognitive strategies and provide implication to metacognitive capacities of monitoring and control cognitive activity and text creation viewed as problem-solving task. To support the assumption the following text passage is analyzed:

... A supra-communicative view of language, as I define the term, holds that the availability of linguistic encodings enhances our problem-solving capacities by somehow transforming the kind of computational space in which we operate. This vague

and wide definition can be filled out in a number of different ways ...[4: P. 2].

The information this abstract conveys to the reader about metacognition of its author concerns:

- “primary scientific activity level metacognition”: the metacognitive capacity to be aware of the bulk of special knowledge and state that the introduced notion is new (or missing); to comprehend the task of construing the content of scientific notion *a supra-communicative view of language* and the metacognitive strategy to complete this task by activating the cognitive process of conceptualization;

- “primary language metacognition” explicated by the corresponding coined term *a supra-communicative view of language*;

- “secondary language metacognition related to scientific activity”: the result of metacognitive strategy to construe the content of the notion is represented by the lexical metarepresentation *holds*, while the cognitive content is presented by the sentential complement *the availability of linguistic encodings enhances our problem-solving capacities...*;

- “secondary language metacognition related to text-writing activity”: the metacognitive capacity of comprehending the necessity to continue the passage with the description of *different ways* as well as metacognitive strategy to observe the logic of reasoning (and narration) is implied by the meaning of the syntagma *vague and wide definition can be filled out*.

Conclusion

Drawing the line of conclusion to the above discussion, we consider it necessary to underline the complexity of the issue. Though it is evident that the scientific text convey information about metacognitive (as well as cognitive) capacities of its author, the ways and means of conveying the information, the types of information and the types of corresponding metacognitive capacities and strategies should be investigated and described in more detail.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

Литература

1. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17-33.

2. Клепикова Т.А. Типология лингвистических метарепрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 3. С. 5-15.

3. Рябцева Н.К. Язык и искусственный интеллект. М.: Академия, 2005. 639 с.

4. Clark A. Linguistic Anchors in the Sea of Thought? // Pragmatics and Cognition. 1996. Vol. 4, № 1. Pp. 93-103.

5. Flavell J.H. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry // American Psychologist. 1979. Vol. 34, № 10. Pp. 906-911.

6. Geeraerts D. A rough guide to Cognitive Linguistics // Cognitive linguistics research: 34. 2006. Berlin. New York. Mouton de Gruyter. Pp. 1-28.

7. Glynn S.M., Muth K.D. Reading and Writing to Learn Science: Achieving Scientific Literacy // Journal of Research in Science Teaching. 1994. Vol. 31. № 9. Pp. 1057-1073.

8. Halliday M.A.K. The construction of knowledge and value in the grammar of scientific discourse, with reference to Charles Darwin's *The Origin of Species* // Advances in Written Text Analysis / ed. M. Coulthard. London-New York. 1998. Pp. 136-156.

9. Koriat A. The Feeling of Knowing: Some Metatheoretical Implications for Consciousness and Control // Consciousness and Cognition. 2000. Vol. 9. Pp. 149-171.

10. Livingstone J.A. Metacognition: An Overview. URL: <http://gse.buffalo.edu/fas/shuell/cep564/metacog.html> (дата обращения 22.01.2017).

11. Rosenthal D. M. Consciousness, Content, and Metacognitive Judgements // Consciousness and Cognition. 2000. Vol. 9. Pp. 203-214.

12. Veenman M.V.J., Wilhelm P., Beishuizen J.J. The relation between intellectual and metacognitive skills from a developmental perspective // Learning and Instruction. 2004. Vol.14. Pp. 89-109.

References

1. Demiyankov V.Z. Cognitive linguistics as a kind of interpretative approach // *Issues of Linguistics*. № 4. (1994): 17-33. [in Russian].

2. Klepikova T.A. Typology of linguistic metarepresentations // *Issues of Cognitive Linguistics*. № 3. (2008): 5-15. [in Russian].

3. Riyabtseva N.K. *Language and Artificial Intellect*. Moscow.: Academy, 2005. 639 p. [in Russian].

4. Clark A. Linguistic Anchors in the Sea of Thought? // *Pragmatics and Cognition*. Vol. 4, № 1. (1996): 93-103.

5. Flavell J.H. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry // *American Psychologist*. Vol. 34, № 10. (1979): 906-911.

6. Geeraerts D. A rough guide to Cognitive Linguistics // *Cognitive linguistics research: 34*. Berlin. New York. Mouton de Gruyter. (2006): 1-28.

7. Glynn S.M., Muth K.D. Reading and Writing to Learn Science: Achieving Scientific Literacy // *Journal of Research in Science Teaching*. Vol.31. № 9. (1994): 1057-1073.

8. Halliday M.A.K. The construction of knowledge and value in the grammar of scientific discourse, with reference to

Charles Darwin's *The Origin of Species // Advances in Written Text Analysis* / ed. M. Coulthard. London-New York. (1998): 136-156.

9. Koriat A. The Feeling of Knowing: Some Metatheoretical Implications for Consciousness and Control // *Consciousness and Cognition*. Vol. 9. (2000): 149-171.

10. Livingstone J.A. Metacognition: An Overview. URL: <http://gse.buffalo.edu/fas/shuell/cep564/metacog.html> (date of access: January 22, 2017).

11. Rosenthal D. M. Consciousness, Content, and Metacognitive Judgements // *Consciousness and Cognition*. Vol. 9. (2000): 203-214.

12. Veenman M.V.J., Wilhelm P., Beishuizen J.J. The relation between intellectual and metacognitive skills from a developmental perspective // *Learning and Instruction*. Vol.14. (2004): 89-109.

Tatiana V. Drozdova, Head of the Department of Foreign Languages, Senior Doctor (Philology), Associate Professor

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2017-3-2-25-35

Diego Forte

TO THE FAITHFUL DECLASSED: HEALTH RISK AS SPECIESIST CAMOUFLAGE

University of Buenos Aires, 439 Paseo Colón Ave. City of Buenos Aires, Argentina, 1063
dforte@filo.uba.ar

Abstract. The concept of "declassified" usually refers to human animals in a marginal situation, this is, it is a lexical item with the [+ human] feature. Western dominant discourse does not use the term "marginal" to refer to nonhuman animals because it integrates them into a lower category: they are objects or belongings with no resemblance to a live being. So, their identity is denied and they become entities without needs or abilities of living beings, unless their representation refers to something risky or dangerous for humans. In this case, they seem to be a risk because they are alive.

The present work aims to analyze the construction of speciesist representations in graphic press speaking about homeless dogs. We will take as a starting point the hypothesis that these representations construct the concept of "homeless animal" as a sanitary risk for the human species and, therefore, nonhuman animals are described as the enemy and their resemblance is not the resemblance of a live being. We will analyze three texts, extracted from the digital versions of three different newspapers, published in different countries and written in different languages.

We will adopt *Social Semiotics* by Hodge and Kress [1988] as the main theoretical framework. In order to cover both verbal and visual material, the development of the analysis will adopt the tools proposed by Hodge and Kress [1993] for the assignment of thematic papers and description of processes in the verbal material together with the elements systematized by Kress and van Leeuwen [1996] for image analysis and Ekman [2003] and Kendon [2004] for gestural analysis.

Key words: Speciesism; CDA; Social Semiotics; social representations.

1. ECOLINGUISTICS: SPECIESIST DISCOURSE AND COGNITIVE STRUCTURES

The term "speciesism" first appeared in 1970 in a pamphlet written by Ryder [1998], a philosopher belonging to the Oxford Group, and from then on has been used to refer to discrimination based on species. But discrimination against other species can be traced back to classical antiquity. Aristotle, in *Politics* stated:

Plants exist for animals, and other animals, for the benefit of man; The domestic ones for their use and their food, and the savages – if not all, at least most of them – to serve as food and other purposes, to offer both clothing and other utensils. Therefore, if nature does nothing imperfectly or in vain, it is necessary that all such beings exist naturally for the benefit of man [1999, p. 13].

Judaism and Christianity maintained the same status for animals, granting them a place of simple service to man. Then the automatism of Descartes removed their soul and consciousness, transforming them into robots. This perspective, whose reminiscences are still felt, considers them totally devoid of understanding and incapable of

experiencing pain, pleasure or other sensations or emotions.

On the other hand, in the late 1990s, Ecolinguistics made its appearance as a new paradigm of research, taking into account not only the social context in which a language is embedded but also the relationship societies establish with the natural environment. This approach can be characterized as a form of Critical Discourse Analysis (CDA) committed to the study of the verbal connection between humans and other animals. It explores the role of language in the interaction among the human species, other species and the environment in which they develop. Although these analysts start from the theoretical framework provided by CDA, their perspective is broad, including proposals from other disciplines that take, with a critical view, the relationship between language and biodiversity as object of study. As an analytic perspective, Ecolinguistics seek to deconstruct the speciesist representations in order to dismantle the automation their meanings provoke, to show that these meanings are not natural but the product of particular power relations.

In Western world, speciesist representations are a part of the dominant discourse [Raiter, 2003,

P. 167], which imposes its discriminatory logic by turning them into objects, denying them identity, and not recognizing them as a living beings. Social representations in the common sense of a given society circulate meanings that are considered absolute and indisputable for the members of that given society [Raiter, 2003, P. 140]. In the minds of speakers these representations are completed in a consistent whole [Raiter, 2003, P. 141] and form cognitive structures, belief systems, which shape their worldview. In other words, mental representations provide the framework to constitute the stories that order and guide the way we live:

The stories we live by are different, however. We are exposed to them without consciously selecting them or necessarily being aware that they are just stories...Importantly the stories-we-live-by influence how we act in the world – if nature is seen as a resource then we may be more likely to exploit it, or if economic growth is seen as the primary goal of politics then people's wellbeing and the ecosystems which support life may be overlooked. The role of the form of ecolinguistics ... is to analyze texts to expose the underlying stories, and then consider carefully how they encourage us to act. [Stibbe, 2015, P. 9-10].

Although Ecolinguistics is much more than animalistic studies, these have experienced a significant growth during the past decade. The so-called "animalistic turn" in academic research has managed to move between humanistic disciplines, fine arts and social sciences, even reaching fields such as psychology, philosophy, anthropology, political science and sociology and literature, history, critical and cultural studies, as well as on geography, feminism and The Queer theory. [Best, 2013, P. 3].

2. THE DECLASSIFIED

The concept of "declassification" implies an individual not included in any class. When there is no will of the individual to self-exclude, that non-inclusion is constituted as a prejudice: the individual does not meet the characteristics that power requires for inclusion. According to Bourdieu there are different types of capital, social class is defined by the capital accumulated by individuals. Thus, capital is understood by Bourdieu as a force that determines what is possible and what is not. The distribution structure of the different types of capital, at a given point in time, corresponds to the immanent structure of the social world, that is, to the totality of forces inherent to it, and by which the social reality functions [2000: 132-133].

Nonhuman animals are inserted into capitalism as commodities, they have exchange value. They cannot accumulate capital: they are something to be accumulated. A given number of cattle means wealth. Dogs or cats of a certain pedigree go hand in hand with social status. And so forth. But a possibility of agency is contemplated for them: they can adopt the characteristics of live risk. They can move and act as something dangerous, as something that mines human security. They can attack, transmit diseases, eat our food or drain our resources. So, when they cannot be accumulated they need to be controlled or destroyed for human safety.

3. THEORETICAL FRAMEWORK

This research will take as a theoretical framework *Social Semiotics* proposed by Hodge and Kress [1988]. According to these authors, meaning resides in different systems, in several codes, so the analysis of the verbal dimension is not enough [1988, P. vii]. A theory about verbal language must be placed in the context of all socially constituted systems of meaning. Thus communication must be seen as a process rather than as a cluster of meanings. These meanings are produced and reproduced in the context of specific social conditions through different means and by different agents. They exist in relation to concrete subjects and objects and can only be explained in terms of the relations they contract with each other.

Society is typically constituted by structures and relations of power, exercised or resisted; it is characterized by conflict as well as cohesion, so that the structures of meaning at all levels, from dominant ideological forms to local acts of meaning will show traces of contradiction, ambiguity, polysemy in various proportions, by various means. So for us, texts and contexts, agents and objects of meaning, social structures and forces and their complex interrelationships together constitute the minimal and irreducible object of semiotic analysis. [Hodge & Kress, 1988, P. viii].

In this context, communicative practices are defined in terms of their linguistic resources, that is, sound, spatial and visual elements. In order to cover both verbal and visual material, the development of the analysis will adopt the tools proposed by Hodge and Kress [1993] for the assignment of thematic roles and description of processes in the verbal material together with the elements systematized by Kress and van Leeuwen [1996] for image analysis and Ekman [2003] and Kendon [2004] for gestural analysis.

4. CORPUS

The analysis will be carried out on three graphic press notes, belonging to three different newspapers, from three different countries and written in three different languages:

- *Callejeros con seguro médico* (stray dogs with health insurance). This story appeared in the digital version of the Argentine newspaper *Página 12*, on 11/29/2016 and were signed by Nicolás Romero. It is written in Spanish.

- *En France, une législation stricte gère la population des chiens errants* (In France, strict legislation manages the population of stray dogs). Appeared in the digital version of *L'Express*, France, on 03/01/2017. It is an editorial note, no sign, and it is written in French.

- *India has 30 million stray dogs. In one state, vigilantes are being pushed to kill them.* It was published by *The Washington Post* website, USA, 01/21/2016. Signed by Rama Lakshmi, text in English.

The selection of the corpus was made taking into account the need to inquire about the way in which different western societies construct speciesist representations using the resources provided by three Indo-European languages. Having in mind the common origin and the relationship among this three languages (that, on the other hand, are the most widespread European languages) seemed useful to understand the use of resources in this languages to build up discriminatory representations.

Actors in actional processes

Actor

Berazategui

La clínica veterinaria

Los vecinos

Fernando Gherinich, médico veterinario y coordinador de los consultorios de la clínica

El municipio

cualquier vecino

El médico

El municipio

process

controlará

Comenzó a implementar

alimentan

explicó

monitorea

Pueda reconocer

Resaltó

Vacuna, desparasita, castra, registra

Affected

Perros vagabundos

El registro de perros comunitarios

Aquellos [perros]

Lo ideal es que no haya perros

Al animal

La caravana

La necesidad del control de la población canina

A los perros

Entities in relational processes

Entity 1

Los perros sin dueño

Cada uno

Los perros callejeros

El número de identificación

relation

Serán

tendrá

son

está

Entity 2

Desparasitados, vacunados y castrados

Su historia clínica

Un problema sanitario

Asociado a una historia clínica

5. HYPOTHESIS

As mentioned before, this paper aims to analyze the construction of the speciesist positioning in a corpus of journalistic notes on homeless animals. We will start from the hypothesis that the speciesist representations prioritize the position of threat or sanitary risk in the discursive construction of nonhuman animals, granting them the place of affected within the eventual structure. They will be constructed as passive objects, with no possibility of choice or action, unless they are considered a health risk.

6. ANALYSIS

6.1. STRAY DOGS WITH HEALTH INSURANCE

The story appeared on November 29, 2016 in the website of the Argentine newspaper *Página 12*, in the section *Sociedad* (society), column *Derechos de los animales* (Animal Rights). It is signed by Nicolás Romero. Next, we will describe the conformation of its actional and relational systems.

Table 1

Actional and relational systems

Processes		
Transactive	Non transactive	Relational
65	26	26

La caravana	es	Un dispositivo liviano
La población	es	Demasiado grande

Dogs as actor

Actor	Process	Affected
Un perro callejero	Victimizó	Al intendente Patricio Mussi
<i>Un perro callejero</i>	Mordió	Lo
Los perros	actúan	Como barrera biológica
<i>Los perros</i>	impiden	La difusión de enfermedades

Two classes of dogs are represented as actors in the story: 1. Dogs that go to resorts and restaurants, 2. The others, the declassed ones that represent a sanitary risk. Under the category "affected" are represented the stray dogs that are took by the program of the municipality, which puts them in treatment and release them with a mark in the ear. These also appear involved in relational processes. They are only agents in two cases: 1. Attacking the intendand Patricio Mussi, and 2. Being used to fight dogs from other municipalities, that is, as a sanitary barrier.

In addition, when participating in relational processes, their identity is subsumed by some element that classifies them, either associating them with a brand (the mark, the caravan) or integrating them into a collective group (the population).

According to the text, unowned dogs are presumed of carrying diseases and pose a health risk. Under this logic, actions are not carried out for the welfare of street dogs but because they represent a risk to the human population: they transmit diseases. But this central idea is camouflaged as a charitable action towards stray dogs.

The following quotation from Fernando Ghersinich, taken from the text, shows that the intention behind the program is not to benefit animals but a sanitary measure in relation to the human population:

lo ideal es que no haya perros en la calle, pero la realidad es que hay muchos y son un problema sanitario, por eso desarrollamos el programa que consiste en la colocación de una caravana (un botón plástico) en la oreja del perro, que es como el que se utiliza en grande animales, pero más chicos. Es un dispositivo liviano, para que no le moleste, redondo y de color amarillo, que tiene un número de identificación que está asociado a una historia clínica... se decidió el uso de una caravana y no de un chip –aclaró el veterinario– porque la idea es que cualquier vecino pueda reconocer la caravana, que significa que es un animal monitoreado por el municipio, ver el número que identifica al animal, y llamarnos. En cambio, el chip se implanta bajo la

piel, y se necesita un lector para accederlo... la población es demasiado grande y no hay espacio físico para albergar a todos, por eso la castración”, remarcó y explicó que “al estar vacunados y desparasitados, como son territoriales y compiten con otros perros que vienen de afuera, actúan como barrera biológica impidiendo la difusión de enfermedades.

The best scenario would be no dogs on the street, but the reality is that there are many and they are a health problem, that's why we developed this program that involves the placement of a caravan [a plastic button] in the dog's ear, which is Like the one used in large animals, but smaller. It is a light device, not to disturb, round and yellow, which has an identification number that is associated with a medical record ... it was decided to use a caravan and not a chip, said the veterinarian, because the idea is that any neighbor can recognize the caravan, which shows that it is an animal monitored by the municipality, you can see the number that identifies the animal, and call us. Instead, the chip is implanted under the skin, and a reader is needed to access it ... the population is too large and there is no physical space to accommodate everyone, that is why castration is performed, he remarked and explained that being vaccinated and dewormed, as they are territorial and compete with other dogs that come from outside, they act as a biological barrier preventing the spread of diseases¹.

In addition, some lexical pieces deserve particular attention: *declassed* and *Community dogs*.

The concept of declassification gives the dogs the [+ human] feature, but in a negative way. It involves a process in which one participant loses its status, what is to say, an agent "declasses", removes the class or status to another. In this way, stray dogs are homologated to the situation of the lower class of human animals. But, on the other hand, as we have seen, these dogs are not themselves agents in processes involving them, unless those processes have negative consequences on human animals. This

¹ Translation mine.

would justify its treatment in terms of human benefit and its use as a sanitary barrier. Also, the dogs that entered in the municipal program are called *community dogs*. But this status is related to the neighborhood identification, to the fact that each neighbor can identify the “caravaneados” and remain calm because they do not represent a risk for health. So, in the end, it is more a question of political claimings than of public service.

Image Analysis

Image 1. A sad dog on white background

The picture that illustrates the text shows a sad dog on white background. The dog seems abstracted

from the context to highlight a sad facial expression [Darwin, 1872, P. 53]. He/she is looking down to front camera. Picture focuses on the face, most of the body is out of focus. He/she shows signs of scabies on ear and nose. The image tries to humanize the image of the dog, at the same time interpellating the reader with the mix of illness and sadness showed. The process represented by the image [Kress and van Leeuwen, 2005] is given established between the dog and these traits of illness and sadness, forming a symbolic process.

6.2. IN FRANCE, UNE LÉGISLATION STRICTE GÈRE LA POPULATION DES CHIENS ERRANTS.

Editorial note appeared on 3/1/2017 on the website of *L'Express*. It is not signed.

Table 2

Actional and relational systems

Processes		
Transactive	Non transactive	Relational
40	10	17

Actors in actional processes

Actor	Process	Affected
Jean-François Legueulle, délégué générale de la Fondation 30 millions d’amis	répond	Cette question
Jean-François Legueulle, délégué générale de la Fondation 30 millions d’amis	présente	Un état des lieux de la situation ainsi que des solutions
La mairie ou la municipalité	Prise en charge	Chien errant signalé
La mairie ou la municipalité	Transfert	L’animal
La mairie ou la municipalité	Recherche	La fourrière de son propriétaire
Certains refuges	euthanasier	Les chiens
Notre fondation	Aide	Les 300 structures d’accueil ou refuges
Le gouvernement	euthanasies	Les chiens errants

Entities in relational processes

Entity 1	Relation	Entity 2
Le nombre de chiens errants	oscillerait	Entre 100 et 150 millions
La situation	Est	Alarmante
Les chiens errants	représentent	Une menace
Leur surpopulation	Est	Évitée
Les seules méthodes efficaces	Sont	L’identification, la stérilisation et la vaccination des chiens
l’éducation des propriétaires	Est	Primordiale également

In this case, stray dogs do not perform agentive functions in the text. These functions are granted to participants with the [+human] feature (Jean-François Legueulle, les propriétaires) or to entities also conformed by humans [the mairie, the municipalité, l'Union Européene].

There are a few relevant grammatical metaphors to be considered: *une menace*, *le bien-être animal*.

Image analysis

Image 2. Five sad dogs in a low neighborhood

Five sad dogs in a low neighborhood. Photo without marked effects. Looking to portray the urban context: dogs living in a poor neighborhood. Grey Sky. Suggestive symbolic process [Kress and van Leeuwen, 1996, P. 85]. Symbolic processes show what a participant means. The suggestive symbolic processes have only one participant and represent the meaning and identity coming from within, deriving from the participant itself. In this case, the five dogs function as a single participant, representing the situation of poverty and marginalization in a city context.

The concept of threat (menace) implies a process in which one participant with the feature [+agent] threatens another with the [+affected] feature. This nominalization is the only mention the text makes to the agentivity of stray dogs. Again, as in the previous text, when dogs are agents they harm humans.

6.3. INDIA HAS 30 MILLION STRAY DOGS. IN ONE STATE, VIGILANTES ARE BEING PUSHED TO KILL THEM.

Note signed by Rama Lakshmi, appeared on October 21, 2016 in the digital version of *The Washington Post*.

Table 3

Actional and relational systems

Processes		
Transactive	Non transactive	Relational
93	12	23

Actors in actional processes

Actor	Process	Affected
The dogcatcher	tightens	Its neck
He	Pulls out	Five puppies
Mobs	hire	Professional catchers

He	Will kill	All the animals
A group of men	killed	Several dogs
The dog	killed	Half the ducks
Jose Maveli	thinks	Roaming strays endanger public safety
Anti-dog activists	show	Snarling canines and gruesome images of people with bite wounds
A medical student	Flings	A stray puppy
A dog	bite	7-year old Ayoos Sajimon
A street dog	Pressed its paws on	His chest
The neighbors	killed	The dog
Kerala	sterilize	Street dogs

Entities in relational processes

Entity 1	Relation	Entity 2
India	Has	30 million stray dogs
Widesprad killing	Is	Un acceptable
Jose maveli	is	Founder of the stray dogs eradication society
The roaming strays	Are	About 250000
Street dogs	Are	A common nuisance
Animal lovers	Are	On the defensive
Dogs	Are	In an absolute state of fright
My son	Is	So traumatized
The only scientific thing to do	Is	Sterilization
An average of 11 per dog	Is	Inadequate
Poor collection of garbage in the cities	Is	The main reason

Dogs as actors

Actor	Process	Affected
The dog	killed	Half the ducks
The dog	Has been growling	At his 10-year-old-son

Dogs	bit	Young children and elderly people
A pack of stray dogs	attacked	An elderly woman
A dog	bite	7-year-old Ayoos Sajimon
A street dog	Pounced on	Him
A street dog	Pressed its paws on	His chest
A street dog	bit	His face and eye

In this story, the actors come from the various sectors involved: citizens, government, activists and dogs. Although again, dogs only show the [+ agent] feature when they participate in processes that harm humans.

A relevant grammatical metaphor to consider: Euthanasia for dogs.

This concept appears here associated to the idea of threat. Again, it involves an agent participant who would act upon an affected one euthanizing him/her. In any case, the text fails to specify sanity reasons

that motivate euthanasia, but rather poses a war between the citizens of Kerala and stray dogs in which all other description seems marginal. Even the determinations of the authorities or the actions of the animal activists.

Image analysis

The text is illustrated with three images:

1. A dogcatcher with the three puppies.

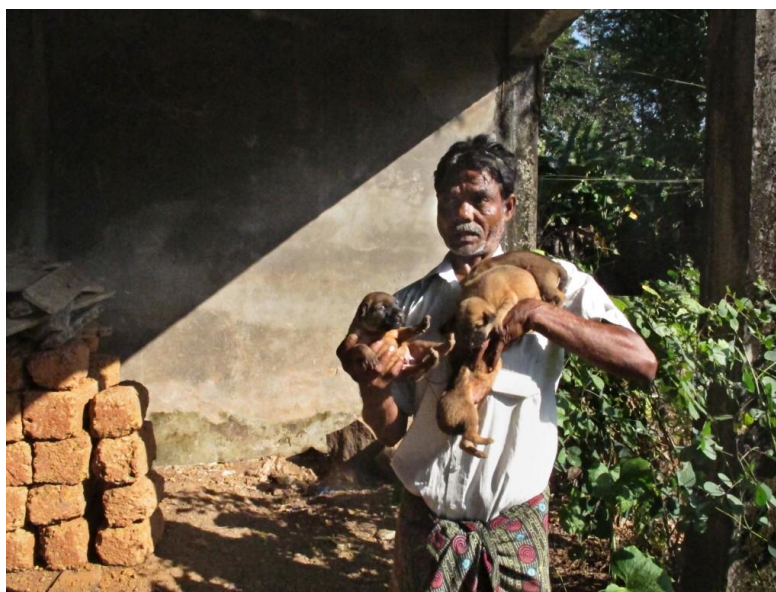

Image 3. A dogcatcher with the three puppies

The dog-hunter holds his prey. IN terms of Kress and van Leeuwen [1996] this is an analytical process. If the photograph would not illustrate a note about the hunting of dogs in Kerala it could be granted a totally different meaning. Because of this, it must be considered that the relation with the verbal text is essential for the assignment of meaning to this image. Taking into account the above mentioned, we can consider that the photograph presents a process

of classification from the category of opposites: hunter / hunted. The position of the camera and the size of the shot establish a relationship that does not imply remoteness with the viewer, although they do not question it either, since the hunter's gaze does not seek the camera. According to Rulicki and Cherny [2011], the face of the hunter manifests a neutral expression, without movements of emotion.

2. An attacked kid with his mother showing wounds.

Image 4. An attacked kid with his mother showing wounds

Ayos Sajimon and the wounds caused by the attack of a dog. This picture shows an attributional symbolic process: what an element is or means and consists of two participants: 1. The relational entity and 2. The participant that represents the meaning of the identity itself (the symbolic attribute). The wounded child is the element that carries meaning and his mother is the one who is showing it. In this case, both the child and his mother function as meaning-related entities wounded by dog attacks. Human participants in attributive symbolic processes pose for the viewer. They are there for the sole reason of being shown to the public. In addition, the child looks at the camera, establishing with the viewer a relationship of closeness, interpellating it, forcing it to take part in the meaning. On the other hand, and consequently with the display rules for Hindu society [Rulick and Cherny, 2011] the faces of Ayos and his mother manifest the seriousness of the subject: Ayos manifests a neutral expression, without facial movements of emotion. Her mother also does not display any expression of emotion, although she is not the focus of the camera but, as mentioned before, she is presenting her son.

3. Map of Kerala.

This picture represents a suggestive symbolic process in terms of Kress and van Leeuwen [1996, P. 85]. Symbolic processes show what a participant is or means.

Image 5. Map of Kerala

Suggestive symbolic processes have only one participant (comparable, sometimes, to existential processes in verbal language). They cannot be interpreted as analytical because the details are not often emphasized, but something that we can call "humor" or "atmosphere." This is what gives the suggestive paintings their generality, their quality of showing not a specific moment but a generalized essence.

The suggestive symbolic processes represent the meaning and identity coming from within, deriving from the entity's own qualities, while the attributive symbolic processes represent the meaning and identity being conferred on the entity.

In this case, the map not only indicates the geographical position of the situation but also its socio-political context. Given that this is probably a place unknown to the Washington Post public, geographic identification is more than useful. But, at the same time, it activates the representations associated with India in the common sense of the newspaper readers.

7. CONCLUSIONS

It must first be noted that non-human animals never have access to a social class comparable to human classes. They are considered inferior in all cases, being objects or risks. And when some kind of identity is restored, it is done in a negative way, associated to negative features. They represent the difference, something that puts us in danger because of its very existence. They don't think, they don't act but to harm us and, therefore, rights mustn't be granted.

It seems essential to remember that problems related to nonhuman and human animals do not arise from the coexistence but from the change man makes in the environment and the place given to other species. To presume that problem situations arise from the coexistence involves an erasing of man's responsibility in modifying the environment without considering the consequences. Looking at things this way we can say man is creating a problem that today continues to be solved by sacrifice, euthanasia and (in the best of the cases) treatment programs. They have been colonized. Moreover, it should be noted that, dogs and cats, like many other animals in urban environments, are dominated by the human race. They cannot exist outside of human rules. They cannot walk alone down the street without being considered overpopulation or risk. They need a guardian or legal representative to not be considered marginal, just as women and black persons did until not long ago (Forte, 2015, P. 13).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

References

1. Aristotle. *Politics*. Kitchener: Batoche Books, 1999.
2. Bourdieu, P. Las formas del capital. Capital económico, capital cultural y capital social. *Poder, derecho y clases sociales*. Bilbao: Editorial Desclée de Brouwer, 2000. pp. 132-133.
3. Darwin, C. *The Expression of Emotion in Man and Animals*. London: John Murray, 1872.
4. Ekman, P. *Emotions revealed*. New York: Holt, Henry & Company, Inc., 2003.
5. Hodge, R.; Kress, G. *Social Semiotics*. Ithaca: Cornell University Press, 1993 [1988].
6. Forte, D. Nonhuman Animal Legislation and Speciesist Discourse. Argentina's Pet Responsibility Act: Anti-cruelty Law or Death Row Pardon? *Language and Ecology Journal*. 2015. Available on [http://ecolinguistics-association.org/download/i/mark_dl/u/4010223502/4624934977/ForteNovFinal.pdf]
7. Kendon, A. *Gesture. Visible action as Utterance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
8. Kress, G.; van Leeuwen, T. *Reading images. The Grammar of Visual Design*. London: Routledge, 1996.
9. Lakshmi, R. India has 30 million stray dogs. In one state, vigilantes are being pushed to kill them, *The Washington Post*. October 21, 2016. Available on [https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/india-has-30-mill/] (date of access: October 23, 2016).
10. L'Express. En France, une législation stricte gère la population des chiens errants. *L'Express*. January 3, 2017. Available on [http://www.lexpress.fr/actualite/societe/en-france-une-legislation-strict] (date of access: April 1, 2016).
11. Raiter, A. *Lenguaje y sentido común*. Buenos Aires: Biblos, 2003.
12. Romero, N. Callejeros con seguro médico. *Página 12*. November 29, 2016. Available on [https://www.pagina12.com.ar/5860-callejeros-con-seguro-medico] (date of access: March 2, 2016).
13. Ryder, R. Speciesism. Bekoff, M. (ed.). *Encyclopedia of Animal Rights and Animal Welfare*. Greenwood, 2009 [1998].

14. Stibbe, A. *Animals Erased: discourse, ecology and reconnection with the natural world*. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 2012.

15. Stibbe, A. *Ecolinguistics: language, ecology and the stories we live by*. London: Routledge, 2015.

Diego Forte, researcher in Critical Discourse Analysis for the University of Buenos Aires, Licenciante in Literature and Linguistics by University of Buenos Aires and PhD Candidate in the same university. Regional and Subject representative in Steering Group International Ecolinguistics Association, an academic counselor in the Ministry of Agriculture of Argentina

РАЗДЕЛ III. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.221. 32

DOI: 10.18413/2313-8912-2017-3-2-36-41

Дехнич О.В.,
Стукалова А.Г.

СПОСОБЫ ЭЛИМИНИРОВАНИЯ ЛАКУН ПРИ ПЕРЕВОДЕ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА
РОБЕРТА ИРВИНА «АРАБСКИЙ КОШМАР»)

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ») ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
dekhnich@bsu.edu.ru
stukalova@bsu.edu.ru

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению смысловых пустот, возникающих на стыке разных языков и культур, что препятствует успешному завершению акта коммуникации в целом, в тексте в частности. Помимо этого, статья напрямую затрагивает изучение проблематики лакунарности в трудах отечественных и зарубежных исследователей, а также выявления основополагающих способов элиминирования лакун, успешно передающих смысл текста. Фактическим материалом исследования был выбран постмодернистский роман Роберта Ирвина «Арабский кошмар», заключающий в себе огромное количество лакун, завуалированных в тексте, где был проведён анализ данных смысловых пустот на основе контекста, а также поиск их семного состава в словарях. В результате чего было выявлено определенное количество «двойных лакун», объединяющих арабское слово, введённое автором в бытность английского языка, которое в результате также было просто перетранслировано переводчиком в русский язык. Основной целью работы был поиск новых способов адаптации лакун в тексте перевода романа Роберта Ирвина «Арабский кошмар».

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, лакунарность, лакунология, когнитивная лингвистика, постмодернизм, переводоведение.

Olga V. Dekhnic,
Anastasia G. Stukalova

ELIMINATING LACUNAS WHEN TRANSLATING
LITERARY TEXTS (A CASE STUDY OF THE NOVEL
BY ROBERT IRWIN "THE ARABIAN NIGHTMARE")

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
dekhnic@bsu.edu.ru
stukalova@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to consideration of the mental gaps arising on a joint of different languages and cultures that interferes with a successful completion of the act of communication in general, and in the text in particular. In addition, the article directly involves the study of the problem of lacunas in the works of Russian and foreign researchers. Besides, it involves the problem of identification of fundamental ways of elimination of the lacunas which are successfully conveying meaning of the text. The material of the study was the postmodern novel of Robert Irwin "The Arabian Nightmare" containing a huge number of lacunas veiled in the text, where the analysis of these mental gaps was carried out on the basis of a context, and also the search of their seme structure in dictionaries was performed. As a result, we have revealed a

certain quantity of the "double lacunas" uniting the Arab word and introduced by the author during the English language period – the word which, as a result, was also just retranslated into Russian. The main objective of the work was a search of new ways of adaptation of lexical gaps in the target text of the novel of Robert Irvin "The Arabian nightmare".

Key words: lacuna; cognitive linguistics; cross-cultural communication; postmodern literature.

Введение.

Посредством иностранного языка миллионы людей по всему миру каждую секунду обмениваются информацией, пытаясь разделить с представителем другой культуры свои мысли. В основном установить контакт коммуникантам удаётся, но сам процесс коммуникации не всегда завершается успешно, виной этому является множество несовпадений, за сопоставление которых отвечают переводчики. Перед ними стоит крайне сложная задача передать иноязычному читателю все фоновые значения, относящиеся к переводимому слову, иными словами, текст далекой чуждой культуры необходимо сделать адаптированным их восприятию.

Богатством каждого языка является его словарный запас, в котором заключен отгиск многовековой истории и черты культурного наследия народа. Но в процессе передачи вся уникальность нации может исчезнуть из-за наличия определяющих слов, отражающих весь колорит, которые называются лакунами. Слово *lacuna* имеет латинские корни, переводится как «пропуск, озеро, канава» и обозначает феномен смыслового пропуска в языке перевода.

Основное содержание исследования.

Теоретической базой исследования выступили работы ведущих российские и зарубежных лингвистов, таких как Ю.А. Степанов, И.Ю. Марковина, И.А. Стернин, Э.М. Гроздки, И. Панасюк. Особый вклад в развитие науки лакунологии внесли И.Ю. Марковина и Ю.А. Степанов, которые ввели данное понятие в терминологический аппарат, но, несмотря на это, их трактовки понятия «лакуны» различаются, хотя и обладают сходным коннотативным подтекстом. А именно Ю.А. Степанов определяет лакуны как «белые пятна», а И.Ю. Марковина характеризует как «пробелы на «семантической карте» образов сознания (коммуникантов)» (Марковина, 2008, 12).

Существует множество определений лакун, представленных отечественными учёными в области сравнительного языкознания, контрастивной лингвистики и переводоведения:

- Лакуна – это сочетание расхождений в сопоставляемых языках и культурах, которое имеет лексическую экспликацию и либо неверно понимается, либо не понимается совсем, либо не замечается в силу своей специфичности реципиентом другой культуры и другого языка в процессе межкультурной коммуникации (Бердникова, 2006, 9);

- Лакуна – это наименование единицы в одном языке при ее существовании в другом (Стернин, 2003, 206-207);

- Лакуны – это «малопрозрачные», без сопутствующего осмысления своеобразные текстовые «скважины», которые слушатель, домысливая и достраивая (детрансформируя), реконструирует в языковом сознании самостоятельно, т.е. элиминирует (Косицин, 2003, 82).

Также необходимо сделать обзор зарубежных экспертов, исследующих лакуны и их перевод:

- *Lacunae* are often understood as cultural specific information that is “missing” and/or is simply not understood by non-members of the given culture (Grodzki, 2006, 95);

- The lacuna is a semantic entity, a contextual cultural invariant, which provides a degree of non compatibility between two or more semantic systems (Kazazi, 2014, 354).

Сопоставив результаты теоретических и практических исследований отечественных и зарубежных разработок в данной области, а именно трактовок лакун, встречающихся в менталитетах различных культур, была выявлена обобщающее определение данного термина, таким образом, лакуна – это смысловой пропуск определенного понятия или явления, выявленный в момент сопоставления лексических и культурных пластов двух наций.

После этапа определения лакун в языковой иерархии, необходимо выбрать способ их элиминирования, который сможет передать смысл лакуны в языке перевода. Основными способами передачи смысла лакун являются заполнение и компенсация.

Но И.Ю. Марковина выделяет такие способы элиминирования как:

1. Заполнение-перевод (сохранение иноязычной лексической единицы в транслитерированном варианте в соединении с её переводом на язык реципиента);

2. Заполнение-комментарий (включение в текст разного рода комментариев элементов чужой культуры, где в зависимости от глубины они подразделяются на:

- поверхностные (предоставление общего пояснения или комментария, которые не дают чёткого предоставления о специфическом элементе незнакомой культуры);

- глубокие (предоставления комментария с предоставлением внешнего вида, способа функционирования, сферы применения или значимости для носителей описываемой культуры того или иного ее элемента));

3. Заполнение-примечание (заполнение лакун, с помощью примечаний различного характера и объёма, они делятся на краткие примечания переводчика или редактора текста перевода, выполняющие функцию переориентировки текста на носителя иной культуры и примечания, помещенные в конце произведения или книги);

4. Компенсация (подбор некоего аналога «чужому» образу или квази-эквивалента к своей культуре, который имеет несколько подвидов, таких как:

- эксплицитная (репрезентация определенного фрагмента чужой культуры на языке перевода);

- имплицитная (отсутствие в тексте указания на сделанные замены, так что реципиент, как правило, не осознает факт существования в тексте «неавторских» фрагментов).

В свою очередь Э.А. Николаева выдвинула следующую классификацию способов элиминирования, отличающуюся от других:

1) приблизительный перевод

2) транслитерация

3) пояснение

4) перифраза

5) смешанный перевод (синтез из двух способов: перифраза + пояснение, транслитерация + пояснение, приблизительный способ + транслитерация, перифраза + транслитерация);

Резюмируя представленные выше способы элиминирования лакун можно сделать логическое заключение, что они коррелируются с основными грамматическими и лексико-грамматическими

трансформациями, такими как транслитерация, транскрипция, калькирование, описательный перевод с целью подробной передачи смысла (Комиссаров, 1990, 172-185).

Материалы и методы исследования.

Материалом исследования, помимо теоретических постулатов в данной области, стал оригинал и перевод романа Роберта Ирвина «Арабский кошмар», который включает в себе признаки постмодернизма, а именно его разновидности - магического реализма. Данный роман совокупил в себе такие черты магического реализма как элементы магического, двойственность реальности, а также национальный, исторический и духовный опыт, который двигает развитие сюжета и действия героев. А именно, погружаясь в арабский кошмар, одурманивающий сон, вырвавшийся наружу, главному герою Бэльяну, открывается другой мир, где магия Востока пересекаясь с загадочностью бытия героя в Каире, окончательно сбивает героя с толку.

Каждое постмодернистское произведение имеет одну важную особенность – множественность интерпретаций, то есть после прочтения романа каждый читатель создаёт собственное произведение, так как трактует его по-своему, в зависимости от своего понимания, восприятия, а также уровня начитанности. Здесь можно провести параллель с анализом лакун, которую каждый переводчик во время перевода трактует по-своему, и, таким образом, в процессе элиминирования лакун так же создаётся уникальное творение переводчика.

Исследование было основано на таких методах, как сравнительно-сопоставительный, метод компонентного анализа, но основным был выявлен метод дефиниционного анализа лексических единиц оригинального текста романа «Арабский кошмар» и его перевода, в процессе чего было выявлено определенное количество лакун. К примеру, лакуна «khassakiya» в предложении «Behind, in a ring on the platform, the élite corps of the khassakiya extended themselves as a sort of bodyguard, yet their heavy armour could not hide the obvious truth that they did not consider themselves on duty, for all were relaxed; some were fondling one another» (Irvin, 1983, 22), которое переводчик перевёл «Позади, на помосте, в качестве личной охраны растянулся кольцом корпус отборных хазакиев, но их тяжелые доспехи не могли скрыть той очевидной истины, что они не считают себя находящимися при исполнении служебных обязанностей, ибо

отбросили всякие церемонии; некоторые ласкали друг друга» (Ирвин, 2011, 35). На данный момент семный состав данной единицы не зарегистрирован ни в одном англо-русском или русско-английском словаре. В процессе анализа успешности перевода лакуны было выявлено, что адаптация лакуны была выполнена при помощи транскрипции с элементами транслитерации, при которой было утрачено национально-специфическое своеобразие лакуны. В дальнейшем автор не представил никаких пояснений или примечаний, как было выявлено, с помощью интернет-ресурсов: в арабском языке существует понятие «хассакийя», так раньше называли всадников, близких или домашних мамлюков, то есть представители военного сословия в Египте.

Другой пример, где лакуна «stalactitic» в предложении «The spreading patterns of the branches of the trees and the stalactitic decoration of the squinches and spandrels of the great colonnade of the mosque gave the square, even shafted by bright sunlight, the appearance of a mysterious, crystalline underworld through which pigeons and butterflies drifted uncertainly» (Irvin, 1983, 9), была переведена как «напоминавшая сталактиты» (Ирвин, 2011, 14). Семный состав безэквивалентной единицы был обнаружен в Полном англо-русском русско-английском словаре как stalactite - сталактит (Мюллер, 2013, 779). В данном примере видно, что переводчик вместо заполнения лакун использует метафорический перевод, который даёт более яркую картину происходящего.

Ещё одним показательным примером является передача лакуны «in disguise» в предложении «One honours the spirits of the dream by sleeping with them, even when they are in disguise» (Irvin, 1983, 14). Перевод предложения: «Человек чтит духов сна, ибо спит с ними, даже когда они скрываются под чужой личиной» (Ирвин, 2011, 21) показывает, что переводчик использовал заполнение с метафорическим приукрашиванием, в качестве способа элиминирования лакуны, что помогает сохранить национальное своеобразие лакуны.

Ещё одним примером является лакуна «tarocchi» в предложении «Some of the Venetians were noisily playing tarocchi» (Irvin, 1983, 9), которое было переведено как «Несколько венецианцев громко играли в тарок» (Ирвин, 2011, 13). Перевод данной лакуны не был выявлен ни в одном англо-русском или русско-английском словаре, что подтверждает наличие категорию лакунарности, имеющую место в данном примере. Переводчик выбрал компенсацию, как более подходящим в данном случае способ

элиминирования, в результате чего национально-специфическое своеобразие данной лакуны всё же было утрачено. Помимо этого, в контексте не было выявлено никакой информации или комментария, описывающего сущность данного предмета. Единственное, что было выявлено это то, что это игра, а данная лакуна выступает словом египетского происхождения, обозначающее карточную игру, где колода состоит 54 карт, вперемешку с картами Таро.

Заключение.

В результате, становится очевидным, что при переводе художественной литературы необходимо учитывать изобразительно-выразительные средства, которые создают фоновое пространство любого произведения. В основном, в литературных произведениях чаще всего встречаются эпитеты, метафоры и перифразы, поэтому они и могут выступать в качестве способов элиминирования или их элементов.

Помимо этого, большинство лакун являются словами арабского происхождения, и в этом случае, данные безэквивалентные единицы могут выступать «двойными лакунами», а их перетранслирование выступает новым феноменом в современной переводческой лингвистике и требует дальнейшего исследования.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

Литература

1. Арабский кошмар: Роман / Пер. с англ. В.Когана. Илл. Д. Робертса. СПб.: Издательство «Симпозиум», 2011. 334 с.
2. Байрамова Л.К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны // Вестник Челябинского государственного университета; Филология. Искусствоведение. 2011. № 25 (240). Вып. 58. С. 22-28.
3. Бердникова Е.В. Лексическая лакунарность в аспекте межкультурной коммуникации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 23 с.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
5. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию: учеб. пособие. М.: ГЭОТАР, 2008. 144 с.

6. Мюллер В.К. Полный англо-русский русско-английский словарь. 300000 слов и выражений / Complete English-Russian Russian-English Dictionary: 300000 Complete. М.: Эксмо, 2013. 1328 с.

7. Николаева Э.А. Лакунарность языка как переводческая проблема (опыт классификации лагун) // Современные проблемы перевода. М., 2005. С. 1-6.

8. Сорокин Ю.А. Метод установления лагун как один из способов выявления специфики локальных культур (художественная литература в культурологическом аспекте) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 120-136.

9. Стернин И.А. Лагуны и концепты / И.А. Стернин, З.Д. Попова, М.А. Стернина // Лагуны в языке и речи. Благовещенск, 2003. С. 205-224.

10. Текст как явление культуры / Антипов Г.А., Донских О. А., Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1989. 196 с.

11. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. Пособие. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.

12. Этнопсихоллингвистика / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А.Н. Крюков и др.; отв. ред. и авт. предисл. Ю.А. Сорокин. М: Наука, 1988. 192 с.

13. Grodzki E.M. The Lacuna Model and Its Application Potential for Advertising Research // Вопросы психоллингвистики. М.: 2006. № 3. С. 95-103.

14. Jens O.J. Lacuna theory in intercultural communication: Focus on axiological lacunae // Вопросы психоллингвистики. М.: 2006. № 3. С. 95-103.

15. Kazazi L. The Lacuna as a Cultural Phenomenon: Analyzing Martin Camaj's "Circles" // Journal of Educational and Social Research. Vol. 4. No.4 Rome: MCSER Publishing, 2014. pp. 353-356.

16. Panasiuk I. Lakunen-Theorie und Aquivalenzproblematik // Вопросы психоллингвистики. М.: 2006. № 3. С. 187-215.

17. Irwin R. The Arabian nightmare // Dedalus. 1983. 172 p.

References

1. The Arabian nightmare: Novel / Transl. by V. Kogan. SPb.: «Simposium», 2011. 334 p. [in Russian].

2. Bairamova L.K. Linguistic lacunary units and lacunas // Bulletin of Chelyabinsk State University.

Philology. Arts. 2011. № 25 (240). Issue 58. Pp. 22-28 [in Russian].

3. Berdnikova E.V. The lexical lacunarity in the aspect of cross-cultural communication: abstract of PhD thesis in Philology. SPb., 2006. 23 P. [in Russian].

4. Komissarov V.N. The theory of translation (linguistic aspects). М.: Vysshaya Shkola Publishers, 1990. 253 p. [in Russian].

5. Markovina I.Yu., Sorokin Yu.A. Culture and text. Introduction to lacunology. М.: GEOTAR, 2008. 144 p. [in Russian].

6. Muller V.K. Complete English-Russian Russian-English Dictionary: 300000 Complete. М.: Eksmo, 2013. 1328 p. [in Russian].

7. Nikolaeva E.A. Lacunarity of language as a translation problem (experience of classification of lacunas) // Modern problems of translation. М., 2005. Pp. 1-6 [in Russian].

8. Sorokin Yu.A. The method of establishment of lacunas as one of the ways of detection of specifics of local cultures (fiction in the culturological aspect) // National and cultural specifics of speech behavior. М.: Nauka, 1977. Pp. 120-136 [in Russian].

9. Sternin I.A. Lacunas and concepts / Sternin I.A., Popova Z.D., Sternina M.A. // Lacunas in language and speech. Blagoveshchensk, 2003. Pp. 205-224 [in Russian].

10. Text as a culture phenomenon/ Antipov G.A., Donskikh O.A., Markovina I.Yu., Sorokin Yu.A. Novosibirsk: Nauka, Siberiat Branch, 1989. 196 p. [in Russian].

11. Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication. М., 2000. 624 p. [in Russian].

12. Ethnopsycholinguistics / Sorokin Yu.A., Markovina I.Yu., Krykov A.N. М: Nauka, 1988. 192 p. [in Russian].

13. Grodzki, E.M. The Lacuna Model and Its Application Potential for Advertising Research // Voprosi psikholingvistiki (Problems of Psycholinguistics). М.: Russian Academy of Science Institute of Linguistics. 2006. № 3. Pp. 95-103.

14. Jens, O.J. Lacuna theory in intercultural communication: Focus on axiological lacunae // Voprosi psikholingvistiki (Problems of Psycholinguistics). М.: Russian Academy of Science Institute of Linguistics. 2006. № 3. Pp. 95-103.

15. Kazazi, L. The Lacuna as a Cultural Phenomenon: Analyzing Martin Camaj's "Circles" // Journal of Educational and Social Research. Vol. 4. No.4 Rome: MCSER Publishing, 2014. Pp. 353-356.

16. Panasiuk, I. Lakunen-Theorie und Aquivalenzproblematik. Voprosi psikholingvistiki (Problems of Psycholinguistics). М.: Russian

Academy of Science Institute of Linguistics? 2006. № 3. Pp. 187-215.

17. Irwin R. The Arabian nightmare // Dedalus. 1983. 172 p.

Дехнич Ольга Витальевна, кандидат филологических наук, заместитель директора по очно-заочной и заочной формам обучения Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета

Стукалова Анастасия Геннадьевна, специалист по учебно-методической работе

Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета

Olga Vitalievna Dekhnich, PhD in Philology, Deputy Director for extramural courses of Institute of Cross-cultural Communications and International Relations Belgorod State National Research University

Anastasia Gennadievna Stukalova, specialist in academic affairs and methodical work of Institute of Cross-cultural Communications and International Relations Belgorod State National Research University

УДК 80/81
ББК 81 811.221. 32

DOI: 10.18413/2313-8912-2017-3-2-42-46

Султаналиев И. Ш.

ФОНЕТИКО-ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА И ЧТЕНИЯ НА ТЮРКСКИХ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ СЛОВАРЯ МАХМУДА КАШГАРИ «ДИВАНУ ЛУГАТИ-Т ТЮРК»

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына Кыргызстан, г. Бишкек ж/м Бакай-Ата, ул. Анар 24, 720008, +996772874327, +996312480218, sultanaliev.i@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы о переводе труда М. Кашгари «Дивану лугати-т тюрк» на тюркские (турецкий, узбекский, уйгурский, казахский и киргизский) и русский языки, а также о разности прочтения тюркологами арабской графики (особенно гласных звуков) и фонетико-лексической близости киргизского языка с оригиналом.

Ключевые слова: М. Кашгари, «Дивану лугати-т тюрк», переводы, чтение, тюркские языки, отличие, киргизский язык, близость.

Sultanaliev I.Sh.

PHONETIC AND LEXICAL FEATURES OF TRANSLATING AND READING M. KASHGARI'S "DIVANU LUGATI-T TURK" DICTIONARY IN THE TURKIC AND RUSSIAN LANGUAGES

Kyrgyz National University named after Balasagun, Anar street 24, Bishkek zh/m Bakaj-Ata, Kyrgyzstan, 720008 +996772874327, +996312480218, sultanaliev.i@mail.ru

Abstract. The article deals with the translation of the work of M. Kashgari's "Divanu lugati-t Turk" into the Turk group of languages (Turkish, Uzbek, Uigur, Kazakh And Kyrgyz) and Russian languages. The article also discusses the difference in reading by Turkologists of Arabic graphics (especially vowels) and phonetic and lexical proximity of the Kyrgyz language to the original.

Key words: M.Kashgari; "Divanu lugati-t Turk"; translation; reading; distinction; the Kyrgyz language; proximity.

Словарь «Дивану лугати-т тюрк» Махмуда Кашгари, написанный в XI веке н.э. (1072-1077 гг.) охватывает более семи тысяч слов и переведен на арабский язык, а также отражает древний лексический пласт тюркских наречий того времени. Кроме того, словарь своей энциклопедической особенностью занимает особое место в тюркологии и мировом языкознании. По этим причинам словарь Махмуда Кашгари своей уникальностью обратил на себя внимание ученых разных стран и переведен на английский, немецкий, русский и на несколько тюркских языков (турецкий, узбекский, азербайджанский, казахский, киргизский, уйгурский). К сожалению, на данный момент не имеется научно-исследовательских трудов, отражающих те или иные недостатки или положительные стороны, рассматриваемые в сравнительно-сопоставительном аспекте. Исходя из этого, целью этой статьи является анализ перевода, как на русский, так и на тюркские языки.

Безусловно, создано много трудов по исследованию словаря М. Кашгари, который является ценным наследием тюркских народов. К

переводу и исследованию «Дивану лугати-т тюрк» М. Кашгари обращались такие видные ученые, как немецкие востоковеды К.Б. Брокельман, Г. Бергштроссер, а также русские востоковеды В.В. Бартольд и С.Е. Малов. Американские ученые Р. Дэнкофф и Дж. Келли опубликовали ряд статей о «Дивану лугати-т тюрк». Однако из этого не следует, что этот ценный труд полностью исследован. До сих пор есть много проблем, требующих уточнений. Одна из этих проблем – разные транскрипции звуков при передаче тюркских слов арабскими буквами, поскольку встречаются фрагменты, в которых учёные-тюркологи при чтении «Дивана» **гласные и согласные транскрибируют по-разному**. Причиной является то, что некоторые из них сильно отдалены друг от друга.

Например, слово, которое Хаканийада произносит в качестве обращения старшему брату транскрибировали следующим образом: Б. Аталай «ачыкым» (1т.64-б.), З. Ауэзова «ачыкым» (99-б.), С. Муталлибов «ычкым» (1т.96-б.), А. Егеубай «ашукым», на уйгурском

«ачыкым» (60-б.). Объяснением служит то, что каждый тюркоязычный учёный многие слова читал по-своему, соответственно своему языку. Например: *Эр отун күйтүрди* – Киши отун күйдүрдү (күйгүздү) (№5572) (некоторые переводчики – З. Ауэзова, Т. Токоев, и др., – не читая в оригинале звук «т», по какой-то причине транскрибировали как «күйүрди»). Б. Аталай, С. Муталлибов и на уйгурском читали как «көйтүрди», на киргизском читается как «күйтүрдү», т. е. в современном киргизском языке существует два варианта: «күйдүрдү» и «күйгүздү».

Yw (кырг.) – үй (З.А., №341). **Yw** (узб.), **өв** (каз.), **ав** (З.А.), **өв** (уйг.). Б. Аталай транскрипцию «өw» объяснил тем, что, если написано хамзой, будет «эв», если кратко произнести, будет «үв» (1т. 81-б.). Киргизскому языку близка форма оригинала «үw», т.е. звук **w** переходит на «й», образуя слово современного киргизского языка «үй».

- **күтүркү** (узб.) – көтүргү (каз.) – кутурку (З.А.), на киргизском – көтөргү, көтөрмө;

- **көчүрме** (узб.) – көшүрме (каз.) – кучурма (З.А.), көчүрмө (очок) – на киргизском;

- **соганлыг** (узб.) – согонлуг (каз.) – сугунлуг (З.А.), на киргизском – согонлуг т.е. согондуу тоо;

- **чомурди** (узб.) шомурды (каз.) – чомурды (уйг.) – жумур (З.А.) – чөмөрдү (кырг.);

- **көсаиди** (узб.) – көсөшди (каз.) – кусашди (З.А.) – күсөшди (кырг.), т.е. күсөштү, сагынышты;

- **бүкүш** (узб.) – бөгүш (уйг. каз.) – букуш (З.А.) – бөгөш (кырг.) сууну бөгөө, тосуу;

- **чолак** (узб.) – шолак (каз.) – жулук (З.А.), чолок (кырг.);

- **кунчук** (Б.Аталай) – кунчук (узб.) – кунжук (З.А.) на киргизском можно читать «көнчөк», т.е. в киргизском языке есть слово, близкое по значению к оригиналу: «көйнөк-көнчөк». Это слово на тюркском, уйгурском, казахском будет «жака», а на узбекском перевели как «чөнтөк» (чунтак) (карман).

- **мончук** (Б.Аталай) – **мунчук** (С.Муталлибов), **моншук** (А.Егеубай), **мунжук** (З.Ауэзова), на киргизском читается «мончок».

- **туркун** (З.А.), **түркүн** (узб., түрк.), **төркин** (каз.) на киргизском читается «төркүн».

Кроме того:

- **кичик** – от,туя оркасига мингашган киши – ат, төөнүн аркасына учкашкан киши (узб.) (человек, который садится в забедры лошади, верблюда), **кучук** (З.А.), **көшүк** (каз.) на киргизском: **көчүк** (жагы), в значении «садиться в забедры» (№2142).

- **чыпкан** – чыйкан (кырг.): **жикан** (З.А.), **чыпыкан** (уйг.), **шыпыкан** (каз.), **чыпкан** (узб.) (№2614)

- **укалади** (З.А.№1623), **әкәләди** (өзб.), **үгеледи** (Т.Т.ж.б.), **өгеледи** – улук эсептеди. (А.И. и т.д.).

- **узутган** (узб., каз.) – ишти узарткан, чойгон; **азитган** (З.А.№886). (Примечание: З. Ауэзова, в отличие от других тюркских переводчиков, в словах, где не поставлен **харакат**, вместо **у, и, э** дала **а**, или обратную и т.д.

Например: **унали** (З.А.) – өнекей (узб.) – энекей (кырг.); **иртадым** (З.А.) – артадым (узб.); **ускады** (З.А.) – искеди (узб., каз.); **аркучлан** (З.А.) – өркүчлен (узб., каз.); **кыркаг** (З.А.) – каркаг (узб., каз.); **эраңак** (узб.), **ерңек** (каз.), **арнак** (З.А., №.496)- бармак, манжа (палец).

- **кул** – зола (З.А.), **көл** (узб.), **күл**, т.е. оттун күлү (кырг.) (зола) (№1780).

Передача звуков «ч» и «ж» в Словаре.

Так как нет буквы **ч** в арабской графике, М. Кашгари вместо неё использовал букву **ж**, т.е. «**ч**» и «**ж**» передаётся одним буквенным знаком. Поэтому встречаются фрагменты, которые учёные трактуют неоднозначно. Например: *жабди, чапды*. Автор дал примеры на значения слов *чапты, сүздү, жапты (үйдүн үстүн)*, отметил, что на уйгурском говорят «моюнга чапты». Так говорят и на киргизском языке. Также были моменты, когда и З. Ауэзова, и С. Муталлибов трактовали через «**ж**»: *жагрук йер-катуу жер; жалбак иш – чатышкан, чатак иш; жуваж-чатыр, жиген – жээн; жакрак – жаркырак; жыгды – байлады, түйдү, ажундүйнө жүзү, аалам, ижин – ич ара*. Но некоторые из них должны были читаться через «**ч**». Поэтому мы должны разделить на две «арип» (букву) «**ж**» в «Диване»:

1. слова, которые читаются через «ч».

Например:

- **чөжүл** (узб), **чожул** – созул, чойул (киргиз.), **жужул** (З.А. №3641). Например: *йип чожулды* – жип чойулду (нитка растянулась). С. Муталлибов почему-то читал через узкий гласный (**ө**), а в современном киргизском языке звук «**ж**» в середине слова перешёл в «**й**»: **чойул**. Обычно в киргизском языке звук «**й**» переходит в «**ж**» в начале слова, здесь получается наоборот. Значит в тюркских языках смена друг с другом «**й**» и «**ж**» – это не только графическое изменение, но и фонетическое закономерное типовое явление:

- **чыланды** (узб.), **чыланды** – тердеди (кырг.) – **жиланды** (З.А.№3717), Например: *ат чыланды* – ат терге чыланды (лошадь намочла от

пота). Слово в значении «терге чыланды» сохранилось только в киргизском языке.

- **чалбак** иш – чатышкан, чалкеш, чатак иш. Это слово многие учёные транскрибировали как «жалбак». Также: не *саж*, а *сач* – чач, не *каж*, а *кач* – кач, не *сыж*, а *сыч* – чыч и т.д.

2. слова, которые читаются через «ж».

Некоторые языковеды слова, которые читаются на «ж», читали как «ч», даже как «ш». По нашему мнению, в следующих примерах правильным является вариант, который читается не «ч», а «ж»:

- **жумул** (узб.), **жумал** (З.А.); **чомул** (уйг.), **шомыл** (каз.).

- **жулбуш** (З.А.); **чулбуш** (узб. каз. уйг.)

- **жалышды** (З.А.), т.е. жарака кетти, жарылды (пошла трещина). **чалышды** (узб. каз. уйг.)

- **жаш** (№3871)- асыл таш, бермет (кырг.)

Есть ещё один момент в Словаре, на который стоит обратить внимание, как мы выше отмечали, так как в арабской графике нет буквы «ч» то передача осуществляется буквой «ж»; некоторые переводчики читают «ж» как «ч». Например: **чабгут** (узб. уйг. каз.) – **жабгут** (З.А.) – жабуу, төшөк. По нашему мнению у З. Ауэзовой встречается верная интерпретация. С. Муталлибов слово *йерди* перевёл как *жеркди*, переход «й» в «ж» объяснил племенной особенностью тюркских племён (Зт. 201с.).

Звук «ж» в начале слова.

Среди учёных нет единого мнения, когда появился звук «ж» в начале слова. Некоторые полагали, что это было в древних тюркских языках, а некоторые считают, что это позднее явление. Даже сейчас в некоторых тюркских языках если в начале слова есть «й», то в киргизском языке пишется «ж». Например: йети – жети, йакшы – жакшы, йаман – жаман, йер, йир – жер и т.д. А на звук «ж», который стоит в начале слова, примеры были показаны выше.

К этой проблеме обратился и М. Кашгари. Он «в главе три буквы глагола муза'аф» о словах «йетти – жетеледи, жетектеди» написал следующим образом: « **Огуздар менен кыпчактар сөздүн башындагы «й» (йай) арибин «ж» менен алмаштырып айтышат** (А.И. и др. 2т., 259-б.), т. е. огузы и кипчаки в начале слова букву «й» заменяют буквой «ж». Здесь ясно видно, что буква «ж» стоит в начале слова. Также в толковании к слову «*жики йи*» – жиги бышык тигиш (№5769 – З.А.) М. Кашгари написал: «Как упоминалось в начале книги, «ж» заменяет «й» в

наречиях Кипчаков и прочих, как в слове «*жинчу*», в исходной форме содержащей *й* (т.е. *йинжу*). [2, с.351]. Это слово З. Ауэзова, Т. Токоев и другие переводчики «*чики йи*» читали в начале слова «ч». С. Муталлибов правильно транскрибировал как «*жиги йи*». В своём введении М. Кашгари в разделе «о различиях в «шевелерах» (в диалектах) пишет: «Тюрки называют жемчужину *йинжу*, а у них (огузы и кипчаки – С.И.) это *жинжу*. Тюрки называют длинную верблюжью шерсть *йугду*, у них же это *жугду*. [2, с.58].

Значит, как считают некоторые учёные, звук «ж», который стоит в начале слова в киргизском языке – это не позднее явление, это диалектная особенность, которая идёт с древних времён.

Таких примеров можно привести большое количество.

Кроме того, существует ещё одна проблема: **перевод слов «Дивана» разными переводчиками в разных значениях.**

К примеру, можно выделить более двухсот слов, которые переводчики перевели по-разному. Остановимся на некоторых из них.

- **канагу** (№2600) – у М. Кашгари в арабском переводе написано только одно слово «*ал мивзов (мивзагу)*». Это слово З. Ауэзова перевела как «скальпель, ланцет», С. Муталлибов – «наштар», А. Егеубаев – «кан алчу курал» (инструмент для получения крови), на уйгурском «каналгу, наштар», «кан аладыган сайман» (инструмент для получения крови) (340-б.). Интересно, что на современном арабском есть ещё значение *кэрын* – мүйүз (рога), потому что киргизы всасыванием с помощью рога собирали «испорченную» кровь в одно место, потом, прокалывая ножом, убирали кровь.

- **дунушке** (№2962) – в переводе на арабский написано только одно слово: «*Ал конабароо*» – *кенжекче*. Перевод: 1. торгой (З.А.); 2. сасык от (өсүмдүк)- (уйг.); 3. шытырмак (каз.); 4. тунбош (өсүмдүк) – (узб.).

- **тубун** (№2248) – 1. колос, початок – машак, сото (З.А.); 2. **бугдай кесмиги** (тюрк); 3. аштык, казандын түбү (каз., узб.); 4. *түбүн* – тамактын түбү (Токоев Т., и т.д.); 5. *түпүн* – ашның түви (уйг. 305-б.) 6. **пшеничная мякина** (ДТС). Как мы видим, каждый перевёл по-разному. По нашему мнению, это обычное киргизское слово «**топон**» (мякина). Значит З. Ауэзова, Б. Аталай и «Древнетюркский словарь» перевели ближе к истине.

В отличие от тюркского, узбекского, уйгурского и других переводов, в киргизском переводе значения некоторых слов даны ближе к оригиналу, дан точный эквивалент. Причина такого явления объясняется фонетико-лексической близостью киргизского языка с «Диваном». Приведем примеры:

- **огурды – омурду** (№1003). *Эр сөңүк огурды – Эр сөөктү омурду.*

1. Түркчө: О, кемиги битиштирди ве айырды (1т. 178-б.).

2. Өзбекче (угурды): Одам сўнганни бўлак – бўлак килиб айирди (1т., 188 с.).

3. Уйгурча: Адам сөңекни үге-үгесиден ажратып этти (146-б.).

4. Орусча: Человек (201-б.).

В киргизском языке слово «омурду» означает и «вывёртывание», и «отделение кости».

- **Түрбүк – түрпү** (№2837). Это слово переводили как төрпү, кесер (түрк); 2) урок, чопки (узб.); 3) шамкы, жонгуч (каз.); турпик, чапса (уйг.); наждак (З.А.). А в словаре К.К. Юдахина переводится как «түрпү – плоский напильник (инструмент седельника) – өгөө, ээрчинин куралы» (КРС, 2т., 285-б.). **Түрпү** (по диалекту – **дүрпү**) – плоский напильник (инструмент седельника) – до сих пор есть у киргизов во многих домах плотников.

Кызлашди – кызганышты (№4008). *Олар икки тавар кызлашды – Алар экөө таварын кызганышты.* З. Ауэзова: «они прятали товары друг от друга». С. Муталлибов: яширишди. Улар иккови бир-биридан мол бекитишди (2т., 260-б.). Морфема основы: **кыз+**...

- **Йамлат – жыйнат** (кирг.). (№4566). *Ол эвин йамлатти – он приказал подмести дом.* На киргизском: Ал үйүн жыйнатты. На русский, узбекский переводится как «шыпыртты, тазалатты – подметать». Но чем такой перевод – киргизский перевод «**жыйна** -убрать» – ближе к оригиналу? Звук «й», который стоит в начале слова, в киргизском языке переходит в звук «ж», остальные, мы думаем, фонетически изменились.

- **Йаңшатты – жаңшатты** (кирг.). (№4584). *Ол аның башин йаңшатты – он много говорил, вызвав у него гул и головную боль* (З.А. 738с.). В современном киргизском языке даёт значение «жаңша – «переливчатое пение; говорить красноречиво», а «он много говорил, вызвав у него гул и головную боль» употребляется в переносном значении.

- **Көбитти- көптүрдү** (кирг.). (№4319) *Ол тонын көбитти – Ал тонун көптүрдү, ба*

көптүрмө (подкладка) салып калыңдатты. Ср.: 1) З. Ауэзова: подбивать (подкладкой). «он велел подбить одежду подкладкой». 2) С. Муталлибов: «у гуппи тун тикишга буюрди» (2т., 345-б.).

- **Аңрашды(эңрешиди) – аңгырашты, эңгирешти** (кирг.). (№1511) *Углан аңрашды(эңрешиди) – дети плакали (вместе).* Киргизча: Балдар аңгырашты (эңгирешти). Кыйкырып-өкүрүп ыйлаганды билдирген бул сөздүн экөө тең азыркы киргиз тилинде колдонулат. Караңыз: К.К. Юдахин, КРС: 1. **аңгырады** – реветь, кричать (1т., 58-б.); 2. **эңгиреди** – горько плакать (2т., 456-б.).

- **Үңтүрди – үндүрдү** (кирг.). (№1515). *Ол аңар йыгач үңтүрди – он заставил его просверлить дерево.* На киргизском: Ал ага жыгач үндүрдү. В других переводах: **делдирди** (тюрк); **тештирди** (узб.); **тештүрди, бургылатты** (уйгур); **үңгүтти** (каз.); **сверлить** (рус.). В действительности, «тешүү- сверлить (?)» не дерево, здесь идёт речь о значении «выемка, делать углубление, гравировать, делать резной орнамент», потому что мягкие, тонкие предметы можно протыкать, делать дырку (например, бумагу, ткань), а дерево можно «врезать, врыть, пробить».

- **Эликледи – эликтеди** (кирг.). (№ 1609). *Ол аны эликледи – он насмеялся и потешался над ним.* На киргизском: Ал аны эликтеди (шылдындады). В других переводах: **алай этти, маскарайа алды** (тюрк); **устидан кулди, масхара килди** (узб.); **заңлык кылды, масхара кылды** (уйг.); **насмеяться, потешаться** (З.А.). Как видно, слово **эликтеди** сохранилось только в современном киргизском языке.

- **Бөкди – бөктү** (жашынды, бекинди; тойду) (№3318). *Ол мени көрүб бөкди – Ал мени көрүп бөктү.* Перевод на другие языки:

1. Тюркский (...бүкди): О, бени көрүп капанды (2т.18-б.);

2. Узбекский (...бүкди): у мени кургач, ерга энгашиб букилди (2т. 26-б.);

3. Уйгурский: бөкти – мөкти, йошурунды. У мени көрүп мөкти йены мени көрүп мөкимен деп йерге чаплешив алды (417-б.);

4. Русский: (З.А.): увидев меня, он укрылся (присел, скрываясь)

- **Ол ашдын бөкди** – Ал ашка бөктү (тойду).

1. Тюркский: о, йемектен дойду.

2. Узбекский: у ошга букарлик даражада туйди.

3. Уйгурский: у аштын тойды.

4. Русский: он наелся до отвращения (497-б.).

В «Киргизско-русском словаре» К.К. Юдахина (1965) даны значения следующим образом:
1. припасть ничком к земле; күйүттөн жарым эс болуп, **богуп** калды – он с горя в полусознательном состоянии пал низ.
2. насытиться (жирной пищей, жиром); майга **боктум** – я насытился жиром (150-б.).

По нашему мнению, необходимо рассмотреть типологические и гносеологические особенности языка и восстановить первоначальную форму слова. При восстановлении первоначальной формы древнего слова, неоспоримый факт, что киргизский язык имеет важное место.

В заключение нужно отметить, что перевод древнеписьменных памятников – это очень сложная и трудоемкая работа, поэтому требуется проведение совместных научно-практических конференций, круглых столов, и т.д. с участием специалистов по словарю «Дивану лугати-т тюрк» М.Кашгари.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

Литература

1. М. Кашгари. Дивану лугати-т тюрк. // Которгондор: Абдувалиев И., Ахматов Т., Оморов А., Султаналиев И., Толубаев М. Бишкек, 2013.

2. М. Кашгари. Диван Лугат ат-Түрк. // Которгон: Ауэзова З.-А.М. Алматы, 2005.

3. М. Кашгари. Дивану лугат-ит түрк // Которгон: Аталай Б. Анкара, 1985.

4. М. Кашгари. Түркий тиллер диваны. // Уйгурча котормо, Имин Турсун, ж.б. 2012.

5. Махмуд Кошгарий. Туркий сузлар девони // Котор. Муталлибов С. Ташкент, 1960-1963.

6. Султаналиев И. М. Кашгаринин «Диван лугат ит түркүнүн» тили. Бишкек, 2015.

7. М. Кашгари. Түрк тилдеринин сөздүгү. 1-3 т. // Котор. Токоев Т., Кошмоков К.-Б. 2011-2013.

References

1. M. Kashgari. Divanu lugati-t tyrk. // Kotorgondor: Abduvaliev I., Ahmatov T., Omorov A., Sultanaliyev I., Tolubaev M. Bishkek, 2013. [in Kyrgyz].

2. M. Kashgari. Divan Lugat at-Tyrk. // Kotorgon: Auezhova Z.-A.M. Almaty, 2005. [in Kyrgyz].

3. M. Kashgari. Divanu lugat-it tyrk // Kotorgon: Atalaj B. Ankara, 1985. [in Kyrgyz].

4. M. Kashgari. Tyrkij tiller divany. // Ujgurcha kotormo, Imin Tursun, zh.b. 2012. [in Kyrgyz].

5. Mahmud Koshgarij. Turkij suzlar devoni // Kotor. Mutallibov S. Tashkent, 1960-1963. [in Kyrgyz].

6. Sultanaliyev I. M. Kashgarinin «Divan lugat it tyrkünün» tili. Bishkek, 2015. [in Kyrgyz].

7. M. Kashgari. Tyrk tilderinin sözdygy. 1-3t. // Kotor. Tokoev T., Koshmokov K.-B. 2011-2013. [in Kyrgyz].

Султаналиев И. Ш. доцент, кандидат филологических наук

Sultanaliyev Ishenbek Sharshekeevich PhD in Philology, Associate Professor

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

РАЗДЕЛ IV. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 811.221. 32

DOI: 10.18413/2313-8912-2017-3-2-47-52

Mahdieh Boostani

THE ERUPTION OF RUMI'S POETRY

Banaras Hindu University, India. Mobile No: 00919725440277, Mahdieh_boostani@yahoo.com

Abstract.

This article is a short description of Molana Jalal al-Din Mohammad Balkhi's thoughts, a famous Iranian mystic and poet, and an attempt to present his ancient ideas, but with a new approach whom he desired to represent from the new window towards the poetry of life, the window which represents an overview to make beautiful waves of mysticism and literature. The article also tries to save the shipwrecks of turbulent waves of life by the perspective of the raging sea of Rumi's eloquent words.

Key words: Rumi; Mysticism; The *Divan Shams*; The *Mathnavi Manavi*; Love.

Introduction

The literature of Iran is sweet and pleasing, the literature which is fragrant, visual, and full of the blooming flowers in spring to soften the human soul. This literature has a strong connection with man, humanity, and his nature. It has the smell of the heart and acquaintance. It introduces us to ourselves; it has moral and educational aspects; our values are hidden in it, and it is the bridge of transmission of these values for future generations. Our literature is the mirror of our culture, the food of our soul, a part of our existence, our history of suffering and joy. Literature is an art itself, which is concerned with beauty and emotions that is why Iran has been called "the land of rose and nightingale" (Milani, 2011, P.193).

Iran has traditionally been the source of mystical thoughts and *Ishraqi* meditations. Hence, over the centuries numerous famous people have been brought out. One of these people is Molana Jalal al-Din Mohammad Balkhi named as Rumi. If the day is known as Rumi in our calendar, it will be the day of celebration of culture, which manifests in its mirror love, mysticism, art, and our faith. But who is Rumi? A fabulous man who has emerged within the context of culture and language of Iran. A strange man who has been new in every moment, an endless sea, which is full of the jewel, pearl, and coral. Love can be known by him. A love which is linked life to eternity, love that every moment is lighting the fires. A man is confused how to begin the description of Rumi, the raging sea, and invisible shore. What should be said? From his great work the *Mathnavi* which has been created with his friendship by Hessam al-Din during

15 years and created storm or from the *Divan Shams* which has been written in Shams' love and his passion. He offered the whole book to his great master and didn't mention his name and a person wonders from this sacrifice, deliverance, and love.

1. Rumi's meeting with Shams Tabrizi

Jalal al-Din Mohammad Rumi, also known as Jalal al-Din Mohammad Balkhi, Mawlana, and more popularly simply as Rumi is a mystic, Sufi, and educated poet who was born in what is now Tajikistan (the country north of Afghanistan) in town of Wakhsh on September 30, 1207 to a native Persian speaking parents. But because the whole area at that time was Persia, in present-day Iran, Rumi is considered in Iran as one of the most famous poets of the country. Rumi was born in Balkh, which is located now in Afghanistan, died in Qunia which is located now in Turkey but how we Iranian are fortunate and lucky that Rumi wrote all his masterpieces in the Persian language. Jalal al-Din Rumi can be considered as "without doubt the most eminent Sufi Poet whom Persia has produced, while his mystical *Mathnavi* deserves to rank amongst the great poems of all time" (Iqbal, 1991, P.13).

Rumi was a leader, a teacher; he taught interpretation of the *Quran*, Jurisprudence, philosophy, wisdom, and mysticism, but the thirty-eight-year-old Rumi in extreme greatness, fame, popularity, and the perfection of mind met accidentally or with God's willing an old white hair anonymous named Shams Tabrizi. Nobody knows what Shams told to the great jurist who changed him. Shams was not an illiterate person. He was born in Tabriz, a city in the northwest of Iran, some six

decades before coming to Qunia, who had studied with many masters and the book of his discourses, the *Maqalat Shams Tabrizi*, indeed proves him to be a very knowledgeable person.

There are various versions of how this meeting took place. According to Ernst's idea, the most reliable one is the thing which Shams recorded in his book (*Maqalat*): "The first thing I spoke with him was this: "How is it that Bayazid did not need to follow (the example of the Prophet), and did not say "Glory be to Thee", or "we worship Thee?"'" (Ernst, 2012, P.286). Franklin Lewis has analyzed this message and stated:

Both Shams and Rumi followed the Prophet, unlike Bayazid Bistami ... Shams returns again and again to this question of following the Prophet, and the case of Bayazid apparently provided the touchstone by which Shams could gauge the inner orientation of others and test whether a fancy for mystical speculation or indulgence in antinomian behavior outweighed a person's love and respect for the spiritual attainment of the Prophet. (Ernst, 2012, P.286)

The place where these two oceans met each other for the first time has been known as "Marc'al Bahreyn" (Aydin, 2004, p.7). Looking at the ups and downs of Rumi's life, it seems what suddenly awakened his idea of seeking truth and gave to the future his mystical attractions in the format of exalting poetic poems is friendship and then his separateness from a mystic named Shams. After meeting Shams, he abandoned teaching and spent his time in *khilvat* (seclusion) with Shams. Meeting Shams created in the spirit of Rumi the second puberty, and rebirth. This meeting, like a rebellious and controversial storm created a deep transformation. The result of this storm is unique, literally and in terms of quantity and quality in the history of world literature. The impact of Shams was so great on Rumi, which changed the life of poet and mystic of Qunia.

Shams stayed with him for less than two years when upset by the jealousy of Rumi's disciples, one day he left unannounced. For fifteen months, Rumi didn't know anything about Shams. This separation was very difficult for Rumi. He was heartbroken, and started to sing his passion and his pain in the verses, "What place for patience? / For if patience were the world-encircling Mount/ Qaf, It would become annihilated like snow by the sun of separation!" (Schimmel, 1993). Rumi was greatly upset by the separation. Finally, he was told, Sham was seen in Damascus. He sent his son, Sultan Valad, with a letter to beg him to return. For him, Damascus was the center of this world. "We are enamored and

bewildered and enraptured of Damascus, / we have given our soul and bound our heart to the passion of Damascus" (Schimmel, 1993, p.22).

Shams returned Qunia and was received with great respect. The mystical meeting started. The jealousy and anger, however, increased soon among Rumi's disciples. Shams left one day suddenly without leaving a trace behind (1247). The cause of Shams' disappearance is not clear. The stories about the final departure of Shams from Qunia vary according to different sources, as Schimmel put it, "Aflaki boldly states that he was murdered in connivance with Rumi's son `Aliaoddin, 'the pride of professors'" (Schimmel, 1993, P.23).

At first, Shams created a spark in Rumi's heart, then ignited a flame which later changed to a burning fire. However, there was an obstacle, Rumi's reliance on Shams. When Shams disappeared, the pain of separation burned Rumi that nothing remained of him. He was turning like a planet in the sky around the sun which had been shining within him. Shams' impact on Rumi was decisive. From the external view, Rumi has changed from a sober jurist to an intoxicated man full of infinite secrets of God's love. It can be said, there was no Rumi without Shams. When Rumi was an educated trained man, Shams came to his life. It seems, Shams' impact created the emergence of deep thinking and internal states of Rumi in the form of poetry enigmatically and spiritually. Shams moved the ocean of Rumi's existence, as a result its wide waves have changed the history of Persian literature.

Separation of Shams was the sign of appearance, and the separation of God was an inner boiling heart, which was shown by such an apparent garment. Shams Tabrizi in Rumi's perspective is a human-stained with the flavor of God which his breath smells heaven. In fact, Shams is a human that Rumi saw God's light in him. Lack of light was intolerable for Rumi. Shams' absence in the literature can be considered the symbol of the absence of the sun of truth. Shams invited Rumi to a gambling with no guarantee to win. Rumi engaged in romantic gambling and won the jewel of love. The most valuable and the only gift which has been given by Shams to Rumi was love. Rumi after meeting Shams got rebirth. Shams rose from inside Rumi. Shams with all his greatness was an excuse for the great change in Rumi, expressing the story of love from his sweet words to all the world. Rumi was the cheerfulness, not from sorrow. He was not looking Shams outside himself because thousands of Shams spawned the light within him to out.

Rumi was fading away in the autumnal days of 1273, and the physicians were unable to cure his illness. When he was feeling weak and exhausted, he declared: “the earth is hungry. Soon, it will get a fat morsel and then give rest” (Schimmel, 1993). When his illness increased, he would compose for his friends: “The lovers, who die well-informed, / Die before the Beloved like sugar . . . /Melting away in the eternal sweetness of God” (Schimmel, 1993, P.15). He passed away on 17 December 1273, at sunset. Over the centuries, Rumi's disciples and amorists celebrate this night, which has been called “*Shab-e Arus* (literally Wedding Night or Rumi's Night of Union with God)” (Aydin, 2004, P.3). Rumi's disciples and lovers celebrate the Night of Rumi's spiritual ascension to the glorious kingdom of God because they believe that their Sheikh is not dead, but he has joined the eternal Beloved. Rumi knew that God is waiting to embrace him enthusiastically.

2. Rumi's outpouring of poetry:

Rumi, who had been taught by his father valuable lessons in love and Sufi mysticism and since in his essence had been spiritual sources full of theology, and supernatural knowledge, left behind blazing and valuable works such as the *Divan Shams* and the *Mathnavi Manavi*.

2.1. The *Divan Shams Tabrizi*

One of Rumi's major works is the *Divan Kabir* (great work) or *Divan Shams* (The Works of Shams of Tabriz); because Rumi dedicated it to his enigmatic friend Shams, which consists of over forty thousand couplets. The *Divan* includes all poems of Rumi except the *Mathnavi*. The poetry of the *Divan* is almost the period of thirty years since the arrival of Shams in Qunia to the end of Rumi's life. It can be said that most individual poems of the *Divan Shams* is representative of mental states or experiences like Unity of Being. The general sense of the *Divan Shams* is the spiritual intoxication and the rapture of love. The *Divan Shams Tabriz* represents a unique combination of lyricism and mysticism. It contains human love, divine love, Shams, and God. As Chittick puts it:

It is well known that most of the ghazals (or “lyric poems of love”) of the *Diwan* were composed spontaneously by Mawlana during the *sama'* or “mystical dance. “This dance, which later came to be known as the “dance of the whirling dervishes,” is an auxiliary means of spiritual concentration employed by the Mevlevi order, a means which, it is said, was originated by Rumi himself. (Chittick, 2005, P.5)

The *Divan Shams Tabrizi* is overflowing of life, love, fascination, mobility, wave, storm, fire, thirst,

madness, and restlessness of impatient soul of the most loved man in the soil. Rumi has written these Ghazals in the separation of his enigmatic master, Shams. The pain, burning, and separation of Shams are found in these Ghazals. The *Divan Shams* is the mirror of love, which is fiery and strange that cannot be found anywhere in our literature. The real beloved of Rumi was not Shams because he knew Shams is limited and the Creator of Shams should be searched. His imagination, love, and storm pass from the beginning to the end of the world. He has expressed this love and fire in the language of poetry.

2.2. The *Mathnavi Manavi*

Rumi's other major work is the *Mathnavi Manavi* (spiritual couplets), which consists of twenty-seven thousand verses. It was written in couplets and collected into six large volumes. Rumi's disciples and lovers who had celebrated the birth of his new character came to him and ask him to compose a poetry book to be a good lesson for the spiritual circle of Sufis. They knew his poetic talent and had examined his boiling conscience. As Mojaddedi said:

The process of producing the *Masnavi* was started probably around 1262, although tradition relates that Rumi had already composed the first eighteen couplets by the time Hosamoddin made his request; we are told that he responded by pulling a sheet of paper out of his turban with the first part of the prologue, often called ‘The Song of the Reed’. (Mojaddedi, 2004, Introduction)

Once Hessam al-Din proposed Rumi to write an educational book in Sanai and Attar's style and so complete his other poems. The *Mathnavi* like other earlier educational, poetic works of Rumi includes a collection of a variety of anecdotes and stories of different sources from the *Quran* to the popular folklores. Rumi's *Mathnavi* was addressed by Hessam al-Din Chalabi. Rumi has clearly stated:

Even so, in (composing) this Mathnawí thou,
O Ziyá'u 'l- Haqq (Radiance of God)
Husámu'ddín, art my object.

The whole Mathnawí in its branches and roots is thine:

Thou hast accepted (it).

Kings accept (both) good and bad: when they accept (anything),

It is reprobate no more.

Since thou hast planted the sapling, give it water.

Since thou hast given it freedom (to grow), untie the knots.

In (all) its expressions my object is (to reveal) thy mystery;

In composing it my object is (to hear) thy voice.
(Nicholson, 2011, *Mathnavi* IV: 754-8)

The *Mathnavi* has different stories, but the main story is unity:

Every shop has a different (kind of) merchandise:

The *Mathnavi* is the shop for (spiritual) poverty,
O son.

In the shoemaker's shop there is fine leather:

If you see wood (there), it is (only) the mould
for the shoe.

The drapers have (in their shops) silk and dun-
coloured cloth:

If iron be (there), it is (only to serve) for a yard-
measure.

Our *Mathnavi* is the shop for Unity:

Anything that you see (there) except the One
(God) is (only) an idol. (Nicholson, 2011, *Mathnavi*
VI: 1525-6)

The *Mathnavi* surely is the most productive period of Rumi's life, because he had more than 50 years that has commenced writing the *Mathnavi*. The importance of the *Mathnavi* is not only the ancient work of Persian literature but also for today mankind has the message of salvation and deliverance. The *Mathnavi* is a complete book of theoretical and practical mysticism. Hence, Rumi's mysticism is the mysticism of interpretation and change.

Rumi, the creator of the *Mathnavi*, was an earthy man who thought and lived heavenly. Rumi was a man who knew the secrets of Being and truth beyond this world. The *Mathnavi* does not have an end, like the *Quran*. If all the forests and marshes become pen, and the sea becomes ink, there will be no hope to over the education of the *Mathnavi*, because the *Mathnavi* is the inspiration of God, no formal education, and reserved appearance. Rumi said, "Afterwards, maybe, permission will come (from God): / the secrets that ought to be told will be told" (Nicholson, 2011, *Mathnavi* VI: 6).

The *Mathnavi*, during history, has been called "the *Quran* in the Persian language" (Chittick, 2005, P.2). It doesn't imply the *Mathnavi* is an interpretation of the *Quran* in the Persian language, rather it has become a huge source of knowledge, a source of mystical wisdom and spiritual guidance, and finally a masterpiece of world literature. "The *Mathnavi* contains tales with references to the *Quran*, the sayings of the Prophet Mohammad (pbuh), Muslim history, famous saints and sinners, poetic allusions, and tales of animals and fantastic events" (Emerick, 2008, P.53).

The *Mathnavi* has six books, which was closed by the end of Rumi's life. The stories of the *Mathnavi*

are the measure of human cognition. The beginning of the *Mathnavi* is a unique *Ney Nama* and Rumi's view of the *Ney* (reed) is a perfect man and the holy soul which has been entrusted by God to man. The spirit which is impatient in the strange land moans from separation and knocks every door to search *Neyestan* (God). In the whole *Mathnavi*, he is searching the initial connection of the *Ney* (man) to the *Neyestan* (God). He considers himself a *Ney* which is connected to God.

Unlike the *Divan*, the *Mathnavi* is almost serious and representative of a deliberate attempt to explain the various aspects of the spiritual life. From one perspective, it can be said the *Divan* includes most of the lights of the spiritual life and inner dimensions of Rumi, but the *Mathnavi* is an interpretation of spiritual states.

3. Ethics and thoughts of Rumi

Ethics, belief, and thoughts of Rumi are a great and wide sea, which cannot be given in this article more than one drop; a person must be immersed in mysticism for years to capture the success of realizing the great works of Rumi and can write explanations about his thoughts.

Here we speak of a pious attracted, burned lover of Balkh who was captive for so many years, and for the sake of love decided to leave. The world was heard the burning soul, not by words, but by the song of the reed. He invited people to the attractive and aromatic world of love. Rumi is a died interested man who took the World Cup of love from the beloved named Shams recklessly and drank until the last drop intensively, heated, his soul flew, and sat on the vast wings of pleasing sounds of music and wrote poetry. He opened his wings in the realm of inspiration and illumination and justified the concept of love in theoretical and practical ways for people.

Rumi was floating in the vast sea of mysticism and lived with spiritual motivations, paying less attention to material things, love for people, and creative expression. The spiritual capacity of his father was so enough which he perceived his son will be valuable in the future to attract people and teach them the secrets of happiness in the world and beyond that. Even, Attar Nishabouri, a famous Iranian poet, discovered in Rumi and said to his father, "Your son will soon be kindling fire in all the world's lovers of God" (Chittick, 1983, P.2).

"Mysticism, a doctrine or discipline, maintaining that one can gain knowledge of reality that is not accessible to sense perception or to rational, conceptual thought" (Audi, 1999, P.593). Mysticism is an endless sea full of cantankerous fishes so a person must be a patient fisherman. Have

you ever been fishing? When you drop the hook in the water (conduct the necessary conditions, pray, and note Him), you should wait. Fishes occasionally tip out to your hook, which is a sweet and good sign (like those mystical fleeting feelings). However, suddenly, your hook gets caught, and a big fish falls in your hook. That time your facial expression is interesting, a mixture of awe and joy, perplexed from the chance that you have got, and happy to get a fish. Mysticism is the same; the difference is that the fishes of mystical sea are much more abundant; the largest fish is illumination, and the smallest one is the heart's blood. In this sea, there are predatory sharks as well (the feeling of bigotry, obsession, depression, pessimism, and deviated Schools of mysticism), hence, fisherman should be careful with these cannibal sharks. In one sentence, "Mysticism can be defined as love of the Absolute" (Schimmel, 1975, P.4).

Love and fascination are Rumi's way of life. According to him, love has plundered his everything. The mystic Rumi believes that love is a divine attribute, and nobody can actually understand it; its taste can be found just by love, but can never be described. The true source of mysticism is love, which is a divine deposit to the mystic's heart to reach the main Destination, hence mysticism and Sufism are meaningless without love: love of God and His creatures.

Rumi, panegyrist of purity, faith, and humanity, has a new delicate justification of love that has not been said and justified until now, in any encyclopedia of love in the world. Rumi's unrest was the result of virulence, intensity, ardor and sincerity in love to Shams. He saw all the universe in the Beloved and knew himself crazy of love. Shams was like a storm in Rumi's life which fled in the sky of his heart and suddenly heated his whole body.

Rumi has its own language in the expression of love. He has warm words to reduce mystical topics to be understandable, attract the warmth of people's speech, and give certain passion. Rumi was well aware that all manifestations are signs towards God. But if dust didn't rise or the leaves of a garden didn't dance, how the hidden movement of air that keeps the world alive was visible? Nothing is out of the dance. According to Rumi, Love is the result of rotation of particles around the sun. When the light of love appears, nothing will remain even earth, sky, and the sun except Almighty. He said:

'Wherever I put my head that is my place of worship.

No matter where I am, that is where God is.

Vineyards, roses nightingales, the sema and loving...

They are all symbols, the reason is always Him'. (Aydin, 2004, P.8)

He said: "The way of God's Messenger is the way of Love. / We are the children of Love. / Love is our mother" (Aydin, 2004). All real lovers should pay the price of process of loving God which is burning: "I was raw, / I am now cooked and burnt" (Aydin, 2004, P.8).

Rumi considers life an endless movement towards perfection, a spiritual ladder which takes a man to the sky, guides the man of travel towards a higher reality to open the doors of God. Sema also is a ladder to the sky. Health-esteem, purity, inhaling intimacy of life, and spirit of joy and hope are Rumi's obvious virtues. Rumi's words are simple, without any premises, eloquent, coherent, firm, and far from ambiguity. Rumi has special skills in using parables, and traditional stories. He is amazing in the breadth of information not only among the various religious topics but also in all literary issues, the spiritual problem, and Islamic culture.

Rumi was intoxicated and has been replaced by an almost fifty- year- old man who composed poetry enthusiastically and played with children everywhere. Rumi loved people due to God's love in everybody's heart. However, for him, there was nothing other than God. During his life, he never established any doctrine and never introduced any rule for today Sema. He just turned around and danced without any rule along with the feeling that he had during his intoxication in his heart. The spiritual sun of Shams 'love shined brilliant blares in the fascinated Rumi which created works, which wondered people and mystics. Rumi is the hunter of facts from the sea of human's heart. He had the role of an artist in the passion and fascination of people and human development. From the beginning of his life, he is one of the poets and thinkers who created the spiritual value system in the Islamic world, Iran, and the world. Obviously, before Rumi, Sanai and Attar have been in the way of mysticism and masnavi, but Rumi brought their works to perfection. Rumi considers the indefinite honor and noble value in the universe for humans. He infuses to humans *Tawhid* and mysticism. He guides humans towards love, faith, and honesty.

4. Conclusion

Rumi was a mature man, a comprehensive mystic, at the same frenzy had expertise in literature, Arabic, and Farsi, surrounded by poets' *Divans*, proficiency in the *Quran*, *Hadith*, and theology, education of spirituality and Sufism deeply, and in addition to all the virtues had an astonishing talent. Rumi was a perfect Sufi who faced suddenly Shams

Tabrizi, and his natural talent was ready for a spark to burn the harvest of his existence and change to a bright flame.

Rumi is the poet of love and mysticism. Rumi's mysticism is full of a special treasure which a person should be drowned to get it. Having read the book of Rumi's mysticism, it is possible to understand a little and get it. Totally, mysticism is a wonderful elixir from different philosophical Schools of the world. But Rumi's mysticism has a different School of thought. Rumi himself is a comprehensive definition of mysticism. He puts love his natural way. So that it can be said Rumi is a love therapist. In the two immortal works, the *Divan Shams* and the *Mathnavi*, numerous subtle points about love can be seen and the claim can be true in the case of these two works. Rumi's mysticism is rich. Wisdom in the words of Ferdowsi, ethics in Sadi's works, indifference toward the world in the poems of Hafiz, and simplicity in the words of Baba Tahir, no one gets higher levels of Rumi's mysticism. In fact, Rumi is the literary honor of Iran.

Rumi's poetry represents the colorful image of God, human, world, and internal relations of these three facts. However, unlike the complexity of misleading pictures, which have been painted by Rumi, all his thoughts and explanations provide certain harmony and fragrance. Although the teachings of Rumi can never be summed up in one sentence, but they all express the same truth, the noble truth of Rumi's experience and Islam itself: "there is no god but God." At the end, it should be noted that the world has been impressed by the great Rumi's views.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

References

1. Audi R. *The Cambridge Dictionary of Philosophy*. Cambridge UP, 1999.
2. Aydin E. *Mevlana Jelaleddin Rumi*. Dialogue Society, 2004.
3. Chittick William C. *The Sufi Doctrine of Rumi*. World Wisdom, 2005.
4. Chittick William C. *The Sufi Path of Love*. State U of New York, 1983.
5. Emerick Y. *The Complete Idiot's Guide to Rumi Meditations*. Penguin Group, 2008.
6. Ernst Carl W. *Shams-i Tabrizi and the Audacity of Bayazid Bastami*. U of North Carolina, 2012.
7. Iqbal A. *Life and Work of Jalaluddin Rumi*. Pakistan National Council of the Arts, 1991.
8. Milani F. *Words, Not Swords: Iranian Women Writers and the Freedom of Movement*. Syracuse University Press, 2011.
9. Mojaddedi J. *Rumi the Masnavi, Book One*. Oxford UP, 2004.
10. Nicholson R A. *The Mathnawi of Jalaluddin Rumi*. University of Cambridge, 2011.
11. Schimmel A. *The Triumphal Sun: A Study of the Works of Jalaloddin Rumi*. State U of New York, 1993.
12. Schimmel A. *Mystical Dimension of Islam*. U of North Carolina, 1975.

Mahdieh Boostani, PhD Candidate in the English Language and Literature, Banaras Hindu University